№ 1 (14) **2012**

Мы и право
Научно-практический журнал
Издается с декабря 2008 года

Учредитель: *Волгоградское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»*

Главный редактор: *В. А. Юсупов, доктор юридических наук, профессор.*

Редакционная коллегия:

Борисенко Е. С., член Волгоградского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;

Клейн В. Р., руководитель Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Волгоградской области, главный государственный регистратор Волгоградской области, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации 2 класса, заслуженный юрист Российской Федерации;

Летяев В. А., доктор юридических наук, член Совета Волгоградского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;

Маликов Е. Ю., кандидат юридических наук, председатель Волгоградского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»;

Филиппов П. М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Совета Волгоградского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Ответственный редактор: *М. О. Каррыев.*

За содержание и достоверность материалов статей редакция ответственности не несет. Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Адрес учредителя: *400001 г. Волгоград, ул. Профсоюзная, 15а.*
Адрес редакции: *400011 г. Волгоград, проспект Университетский, 64,*
Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
Тел.: (8442) 46-68-42.
E-mail: izdviesp@mail.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 34-00001 от 4 сентября 2008 года.

© Волгоградское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2012
© Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Волгоградский институт экономики, социологии и права», 2012

Е. С. Азарова

О ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ЗАОЧНОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Право на участие в судебном разбирательстве дела – одно из важнейших прав, предоставляемых подсудимому в ходе рассмотрения в отношении него уголовного дела судом. Данное право основано на ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой «…каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»[1]. Явка подсудимого в суд обеспечивает осуществление принципа состязательности, равноправия сторон, непосредственности судебного разбирательства, а также необходима для реализации права на справедливое судебное разбирательство и рассмотрение уголовного дела в разумный срок.

В Конституции Российской Федерации указано, что заочное разбирательство уголовных дел в судах не допускается, кроме случаев, предусмотренных Федеральным законом (ч. 2 ст. 123 Конституции РФ). Во исполнение данного положения подсудимому предоставляется право участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела согласно п. 16 ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Однако в законе установлены исключения, когда дело может быть рассмотрено в отсутствие подсудимого (ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ). Исключения, предусмотренные ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ, относятся только к заочному разбирательству уголовных дел, и поэтому регламентация вопроса о заочном судебном разбирательстве в Конституции РФ сама по себе свидетельствует о важности вопроса об участии подсудимого в судебном разбирательстве.

Уголовно-процессуальные нормы, регулирующие вопросы, касающиеся участия подсудимого в судебном разбирательстве уголовных дел, имеют существенное значение для всего уголовно-процессуального права. Обусловлено это тем, что данные нормы отражают механизм реализации ряда принципов уголовного судопроизводства, таких как охрана прав

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод: [заключена в г. Риме 4 ноября 1950 года; с изм. от 13 мая 2004 года] // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение обвиняемому права на защиту, право на обжалование процессуальных действий и решений. Поэтому вопросы, касающиеся заочного судебного разбирательства уголовных дел, безусловно, заслуживают глубокого научного анализа.

Характерно, что заочное производство осуществлялось и в дореволюционный, и в советский этапы развития Российского государства. По крайней мере можно однозначно утверждать, что после принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 года. В отечественной истории не существовало периода, в течение которого не применялась бы данная процедура рассмотрения уголовных дел.

Указанная проблематика получила отражение в работах ряда дореволюционных правоведов: В. Д. Волгина, И. М. Гордона, М. В. Духовского, И. Я. Фойницкого. Определенное внимание уделили данной тематике советские ученые юристы и современные авторы. Среди авторов, в различные временные периоды обращавшихся в той или иной мере к аспектам заочного судебного разбирательства уголовных дел, следует отметить Д. Т. Арабули, В. Банцекова, В. Волжина, Н. В. Ильютченко, В. Н. Курченко, П. И. Люблинского, И. Д. Перлова, И. Л. Петрухина, А. Д. Прошлякова, Х. У. Рустамова, Е. В. Трофимову, В. К. Случевского, Т. В. Трубникову и др. Однако число работ в этой области относительно невелико, а круг исследованных вопросов сравнительно узок. Чаще всего указанная проблематика рассматривалась в контексте дифференциации форм судопроизводства и обеспечения права на защиту.

Резко возросла актуальность вопросов, связанных с заочным судебным разбирательством уголовных дел после внесения дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 года. Указанные дополнения существенно расширили основания проведения судебного разбирательства по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд (ч. 5–7 ст. 247 УПК РФ).

Федеральным законом № 153–ФЗ от 27 июля 2006 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»[1] были внесены изменения в УПК РФ, в соответствии с которыми рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого стало возможным в исключительных случаях по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, когда подсудимый находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если он не был привлечен к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. Однако, как свидетельствует анализ уголовных дел, в судах первой инстанции существует проблема единообразного понимания оснований, условий и порядка проведения заочного разбирательства уголовных дел и обжалования заочных приговоров. Также были выявлены нарушения уголовно-процессуального закона при рассмотрении уголовных дел в суде в отсутствие подсудимого, что свидетельствует о недостатках в законодательном регулировании данного правового института. В подтверждение этого в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 22 декабря 2009 года «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству»[2] дается толкование ч. 5 ст. 247 УПК РФ. Однако и это является недостаточным, поскольку в указанном постановлении трактуется только понятие исключительности заочного разбирательства уголовных дел, которое не является единственным условием заочного разбирательства уголовных дел в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 247 УПК РФ.

---

[1] О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 года № 35–ФЗ [ред. от 3 мая 2011 года] // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

[2] О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2009 года № 28 // Российская газета. – 2010. – 13 января.

Особое место среди принципов уголовного судопроизводства занимает состязательность сторон, предполагающая разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, а также равноправие участников процесса перед судом (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации; ст. 15 УПК РФ). В свою очередь, производство по уголовным делам в отсутствие подсудимого, именуемое заочным, с неизбежностью ведет к некоторым отступлениям от общих правил уголовного процесса. Изъятия из положений закона о состязательности сторон и непосредственности исследования доказательств порождают проблемы в правоприменительной практике. Отдельное значение при этом придается вопросу об обеспечении прав отсутствующего в зале судебного заседания подсудимого. Однако, учитывая, что уголовное судопроизводство в равной степени имеет своим назначением как защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, так и защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), процедура рассмотрения уголовных дел в заочном порядке, при осуществлении которой следует исходить из разумного сочетания государственных, общественных интересов, а также законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса, должна быть внутренне сбалансирована. При этом существенную роль применительно к данному аспекту играют решения Европейского Суда по правам человека. В его практике в течение последних десятилетий были выработаны критерии, которым должно удовлетворять заочное производство по уголовным делам. Их исследование крайне важно в деле обеспечения процессуальных прав и гарантий лиц, участвующих в уголовном процессе.

В то же время заочная форма отправления правосудия по уголовным делам получила распространение и в Российской Федерации. Так, заочно были осуждены известные российской общественности лица, что, без сомнения, усилило интерес процессуалистов к проблеме разбирательства уголовных дел в отсутствие подсудимого. Формы ее реализации отличались значительным многообразием, что еще в большей степени усиливает актуальность данной проблематики.

Объектом института заочного судебного разбирательства являются общественные отношения, складывающиеся при принятии решений о проведении заочного судебного разбирательства уголовных дел, его осуществлении, а также обжаловании решений, постановленных по результатам такого разбирательства.

Следовательно, заочное судебное разбирательство уголовных дел при всей его сложности и неоднозначности до сих пор остается одной из самых теоретически не разработанных проблем в сфере уголовного судопроизводства.

А. Ю. Белоножкин

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Гражданское законодательство регламентирует поведение физических и юридических лиц, публично-правовых образований (Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований), иностранных государств и международных организаций. В число физических лиц включаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. В соответствии с п. 1 ст. 2 ГК иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, пользуются равными правами с гражданами Российской Федерации и российскими юридическими лицами, если иное не предусмотрено федеральным законом.

В науке гражданского права употребляются различные термины, обозначающие лиц, на которых распространяется действие гражданско-правовых норм: «субъект гражданского права», «субъект (участник) гражданских правоотношений», «субъект гражданских прав и обязанностей».

К субъектам гражданского права следует относить всех лиц, которые обладают гражданской правоспособностью. Следует критически отнестись к точке зрения Б. Н. Мезрина о том, что признание лица субъектом гражданского права означает наделение его гражданской правосубъектностью[1]. Ученый в состав правосубъектности справедливо включает и правоспособность (способность лица иметь права и обязанности) и дееспособность (способность лица своими действиями приобретать и создавать для себя и других лиц права и обязанности), однако не учитывает, что недееспособные или ограниченно дееспособные лица также могут быть субъектами гражданского права. От их имени приобретают и осуществляют гражданские права, создают гражданские обязанности и исполняют их другие лица – законные представители (родители, усыновители, опекуны, попечители). Поэтому субъектом гражданского права правильно признавать уже только правоспособных лиц.

Субъектом или участником гражданских правоотношений следует именовать лиц, которые кроме того, что обладают правоспособностью, уже находятся в состоянии взаимодействия с другими лицами и их отношения подвергнуты гражданско-правовой регламентации.

Субъектом гражданского правоотношения может быть только субъект гражданского права. В свою очередь, субъект гражданского права – далеко не всегда находится в правоотношении с другими лицами. Мы исходим из того, что конструкция абсолютного правоотношения является искусственной, так как любое правоотношение – это взаимодействие двух и более лиц, чего нельзя сказать об обладателе абсолютного права, которому не противостоит конкретное обязанное лицо.

Обладатель секундарного права находится с другой стороной отношения в состоянии связанности, но не взаимодействия, и ему не противостоит лицо, наделенное юридической обязанностью. Нормы гражданского права предоставляют ему возможность своим односторонним волеизъявлением привести к возникновению, изменению или прекращению гражданского правоотношения.

Субъект, обладающий абсолютным или секундарным правом, является субъектом гражданского права, но не субъектом гражданского правоотношения.

---

[1] См.: Мезрин Б. Н. Место гражданской правосубъектности в механизме правового регулирования // Антология уральской цивилистики: 1925–1989: сборник статей. – М.: Статут, 2001. – С. 189.

Понятие «субъект гражданских прав и обязанностей» не точно, так как не позволяет понять, находится ли субъект в правоотношении с другим лицом или только наделен субъективным правом и юридической обязанностью. Поэтому от данного понятия целесообразно отказаться.

Таким образом, субъекты гражданского права – это лица (люди и их объединения), обладающие гражданской правоспособностью, поведение которых регламентировано гражданско-правовыми нормами.

В теории гражданского права все субъекты гражданского права традиционно подразделяются на индивидуальные и коллективные. В учебнике под редакцией А. П. Сергеева предлагается изучить субъектов гражданских правоотношений – граждан, юридических лиц и публичных образований[1]. В учебнике В. А. Белова также предложено традиционное учение о гражданах, юридических лицах и публично-правовых образованиях[2].

На наш взгляд, такие классификации не учитывают особенностей правового положения субъектов гражданского права и характера их взаимодействия с другими лицами. Построение новой классификации субъектов гражданского права возможно, если за основу взять характер положения субъекта и особенности его правовых связей (взаимодействия) с другими лицами. Думается, практическую значимость будет представлять такая классификация, которая позволит исследовать правовое положение субъектов гражданского права, исходя из поведенческих возможностей, предусмотренных гражданско-правовыми нормами.

Субъекты гражданского права могут находиться в рамках правоотношения с другими субъектами или оставаться субъектами вне правоотношения. Нахождение субъекта в правоотношении с другим лицом предполагает такое их взаимодействие, когда субъективному праву одного лица корреспондирует юридическая обязанность другого лица. Речь при этом идет не о простой связи, не о простом отношении, а именно о взаимодействии субъектов, так как участники правоотношения всегда четко определены, их поступки адресуются конкретному участнику и носят взаимный характер. Примеры гражданских правоотношений многочисленны: отношения по купле-продаже, подрядные отношения, арендные отношения и др.

Нахождение субъекта гражданского права вне правоотношений с другими лицами встречается, когда нет вышеотмеченного взаимодействия. Вместе с тем лицо может находиться в состоянии связанности с другими лицами в силу наличия у одного из них абсолютного или секундарного субъективного гражданского права. Правовое положение данных субъектов определяется непосредственным содержанием абсолютного или секундарного права. Типичным примером абсолютного права является право собственности, а к секундарным правам принято относить право наследования, право на расторжение договора и др.

Находясь в рамках гражданского правоотношения, субъект может только обладать субъективными правами, законными интересами и юридическими обязанностями, но не осуществлять свои субъективные права (законные интересы) и не исполнять свои юридические обязанности. Например, субъект может находиться с другим лицом в отношениях, вытекающих из договора займа, но в силу условий договора не исполнять свою обязанность по возврату заемной суммы до наступления срока платежа. Контрагент по такому договору соответственно не может осуществить свое субъективное право на возврат заемной суммы. Стороны связаны друг с другом условиями заемного обязательства, но их правоотношение статично, так как субъективные права и юридические обязанности по нему до определенного момента не осуществляются (не исполняются). В таких случаях правовое положение субъекта определяется исключительно пределами содержания субъективных прав (законных интересов) и юридических обязанностей, которые отражают границы правового статуса субъекта.

Если субъект гражданского права не только обладает субъективными правами, законными интересами и юридическими обязанностями, но и приступил к осуществлению субъ-

---

[1] См.: Гражданское право: учебник: в 3-х т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – М., 2009.

[2] Белов В. А. Гражданское право: общая часть: в 2-х т. Т. 2: Лица, блага, факты: учебник. – М.: Юрайт, 2011.

ективных прав, законных интересов и исполнению юридических обязанностей (например, заемщик перечислил займодателю проценты за пользование займом), его правовое положение будет определяться уже не содержанием этих категорий, а процессом и пределами их осуществления (исполнения)[1]. В этом случае можно вести речь о динамике правоотношений сторон.

Также следует учитывать, что субъекты гражданского права могут находиться в правоотношении с другими лицами в результате поведения, которое является неправомерным. Следовательно, особенности правового положения субъекта могут состоять в том, что он является субъектом, защищающим свои субъективные гражданские права (законные интересы) или субъектом, нарушающим гражданско-правовые нормы, субъективные права и законные интересы других лиц (злоупотребляющим правом или не исполняющим свои юридические обязанности).

Исходя из этого, всех субъектов гражданского права можно условно разделить на следующие виды:

– субъекты, обладающие абсолютными гражданскими правами и (или) осуществляющие их вне гражданского правоотношения;

– субъекты, обладающие секундарными гражданскими правами;

– субъекты, обладающие субъективными гражданскими правами, законными интересами и (или) юридическими обязанностями в рамках гражданского правоотношения, но не приступившие к осуществлению этих прав (законных интересов) и исполнению юридических обязанностей;

– субъекты, осуществляющие субъективные гражданские права, законные интересы и (или) исполняющие юридические обязанности в рамках гражданского правоотношения;

– субъекты, защищающие свои субъективные гражданские права в результате неправомерного поведения других лиц;

– субъекты, нарушающие гражданско-правовые нормы, субъективные права и законные интересы других лиц (злоупотребляющие правом или не исполняющие юридические обязанности).

Преимуществом этой классификации является возможность выделения особенностей правового положения субъектов гражданского права. При этом можно определить, в каком правоотношении находится конкретный субъект – в статичном или динамичном либо вообще находятся вне правоотношения. Также удобно будет применительно к правовому положению субъекта определять характер его поведения – правомерным оно является или неправомерным.

Кроме того, представляется, что с помощью данной классификации удобно исследовать другие категории гражданского права, такие как «нормы гражданского права», «правоспособность», «юридические факты», «правоотношение», «субъективное право», «законный интерес», «юридическая обязанность», «осуществление субъективного права», «исполнение юридическое обязанности».

---

[1] В. П. Грибанов указал, что пределы осуществления гражданских прав устанавливаются: субъектными границами (определяемыми рамками дееспособности); временными границами (определяемыми сроками осуществления права); требованием осуществлять субъективные гражданские права в соответствии с их назначением; регламентацией способов осуществления права (способов реализации имущества: продажа, дарение и т. д.); предоставленными лицу средствами принудительного осуществления или защиты принадлежащего ему субъективного права (необходимая оборона, подведомственность спора и т. д.) (См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – С. 48–49).

А. А. Бородин

СООТНОШЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И КОМПЕТЕНЦИИ ГОРОДСКОГО ОКРУГА

Городской округ относится к публично-правовым образованиям, в отношении которых в п. 2 ст. 125 ГК РФ установлено, что от их имени своими действиями могут приобретать и осуществлять права и обязанности органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Таким образом, необходимо установить, как соотносятся гражданская правосубъектность и административная компетенция городского округа.

Научная дискуссия о соотношении компетенции с гражданской правосубъектностью продолжается на страницах юридической литературы длительное время. Исследуя высказанные позиции, мы можем выявить основные пути решения данной проблемы.

Авторы первого подхода указывают, что компетенция представляет собой совокупность властных полномочий, определяемых целями, сферой деятельности и обеспечивающих реализацию функций субъекта права. В частности, В. А. Юсупов, указывает, что компетенция органа исполнительной власти должна формулироваться с учетом задач, которые необходимо решать органу в зависимости от его роли в системе и в соответствии с потребностями объекта управления. Еще более конкретно высказывалась Ц. А. Ямпольская, которая указывала, что компетенция – это круг задач, отведенный органу в соответствии с направлением его деятельности, а также круг полномочий совершать определенного вида властные действия исполнительно-распорядительного и нормоустановительного характера.

Таким образом, в отличие от гражданской правосубъектности, составными элементами компетенции могут выступать только властные полномочия. Причем эти полномочия строго обусловлены целями, сферой деятельности и функциями органа. Такой подход, на наш взгляд, четко разделяет понятие компетенции и гражданской правосубъектности по содержанию.

Более широко подходят к решению указанной проблемы представители второго направления, которые считают, что в понятие компетенции включается вся совокупность прав и обязанностей субъектов управления. По мнению И. Л. Бачило, компетенция состоит из правомочий органов и участников государственного управления в сфере производства, хозяйства и организации самого управления. Сторонницей данной позиции являлась и Е. Л. Флейшиц, полагавшая, что компетенция – это совокупность уже наличных прав и обязанностей.

Необходимо отметить, что такая позиция имеет под собой легальное основание. Например, Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184–ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» под компетенцией органа государственной власти понимает совокупность его полномочий.

Важно заметить, что большинство проанализированных нормативно-правовых актов, отождествляет понятие компетенции и полномочий, рассматривая компетенцию как совокупность полномочий.

Однако такой подход, по нашему мнению, не позволяет разграничить понятия компетенции и гражданской правосубъектности, так как по сути, исходя из предложенного понимания компетенции как совокупности прав и обязанностей, она является одним из элементов правосубъектности и подменяет собой понятие правоспособности.

Представители третьего направления считают, что компетенция понятие более широкое, чем правосубъектность. По мнению О. С. Иоффе, в компетенцию включаются предмет

деятельности, функции и задачи, объем прав и обязанностей, необходимых для осуществления задач. Причем речь идет о правах и обязанностях, определяемых государством, таким образом, имеется в виду возможность обладания ими, то есть правосубъектность госоргана. Следовательно, автор полагает, что правосубъектность является одним из элементов компетенции.

Противниками данной позиции выступают представители четвертого направления, полагающие, что содержание правосубъектности включает два элемента: компетенцию и реализацию компетенции. Отличия между компетенцией и гражданской правоспособностью авторы усматривают в том, что компетенция «…включает способность иметь не только хозяйственные права и обязанности, предусмотренные законом, но и наличные права и обязанности, обусловленные зарегистрированными учредительными документами предприятия».

Проведенное исследование позволило нам согласиться с представителями первого направления, то есть авторами, которые характеризуют компетенцию как совокупность властных полномочий, определяемых целями, задачами, функциями создания и деятельности.

Таким образом, правосубъектность следует рассматривать как:

– возможность иметь права и обязанности;
– способность приобретать права и создавать для себя обязанности;
– возможность осуществлять права своими действиями и исполнять обязанности; возможность осуществлять права своей волей;
– способность нести ответственность за свои действия (бездействие).

В свою очередь, компетенция – это совокупность властных полномочий, определяемых целями, задачами, функциями создания и деятельности публично-правового образования.

Городской округ относится к публично-правовым образованиям, следовательно, его гражданская правосубъектность подчинена реализации его компетенции, поэтому городской округ наделяется только теми правами и обязанностями, которые необходимы для выполнения целей, поставленных государством перед городским округом.

Таким образом, и компетенция, и правосубъектность подчинены выполнению целей и задач, стоящих перед городским округом. Именно цель создания публично-правового образования выступает основанием ограничения и компетенции, и правосубъектности.

Следовательно, для городского округа главной и определяющей является наличие компетенции, гражданская же правосубъектность производна от компетенции и подчинена ей. Главной целью наделения городского округа гражданской правосубъектностью является реализация его компетенции.

Н. С. Герасименко

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ: ИСТОРИЯ ЕГО ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Одной из сложнейших проблем, волнующих человечество на всем пути его развития, прошедшей тысячелетия и постоянно привлекающей внимание политической, правовой, философской, религиозной мысли является проблема прав человека.

В разные времена проблема прав человека приобретала то религиозный, то философский, то этический характер. Все зависело от мнения того класса, который находился у власти.

Зарождение прав человека в V–IV веках до новой эры стало важным шагом на пути движения к прогрессу. Каждая новая ступень развития общества добавляла новые качества правам человека.

Расширение прав человека происходило в постоянной борьбе между классами и сословиями. По мере исторического развития общества прослеживается расширение и обогащение человека новыми правами и свободами. Так, античный раб свободнее первобытного дикаря, средневековый крепостной свободнее античного раба[1], а наемный рабочий раннебуржуазного общества свободнее средневекового крепостного.

Возникновение самого понятия «права человека», то есть осознание этой проблемы как научной, связано с появлением и распространением идеи естественного права, которая возникла в Древней Греции и Древнем Риме и связана с именами Сократа, Аристотеля, Цицерона и других римских юристов.

Так, еще софисты отмечали, что все законы, как и сама справедливость, обязаны своим происхождением человеческому установлению: следуя своим случайным взглядам, люди изменяют законы, которые поэтому и носят печать условности и относительности. Некоторые софисты высказывали мнение, что законы должны служить охране личной свободы, которая только и может считаться сообразной с природой. Они считали, что неравенство людей является следствием искусственных человеческих установлений. Так, Алкидам писал: «Божество создало всех свободными, а природа никого не сотворила рабом»[2].

Стоики же говорили, что есть общие для всех моральные и правовые нормы, которые не зависят ни от времени, ни от места, ни от местных обычаев. Они утверждали, что существуют естественные законы, которые стоят выше законов человеческих, написанных для управления обществом. Эти естественные законы стоики и называли естественным правом.

В эпоху феодализма большинство естественно-правовых идей приобретали религиозный окрас. Позднее они получили отражение в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, И. Бентама и других. Так, по Дж. Локку, для надежного обеспечения естественных прав, защиты личности и собственности люди соглашаются передать себя под власть правительства. Это единственная причина возникновения государства и публичной власти. Право на жизнь и владение имуществом, свободу и равенство человек не отчуждает никому ни при каких обстоятельствах. Эти неотчуждаемые ценности – окончательные границы власти и действия государства, преступать которые ему запрещено[3]. Ж.-Ж. Руссо также считает, что отказаться от своей свободы – это значит отречься от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже от обязанностей. Подобный отказ несовмес-

[1] Лукашева Б. А. Права человека: учебник для вузов. – М., 2001. – С. 14.

[2] Цит. по: Дерипаско А. В. Жизнь человека как фундаментальная естественно-правовая ценность: дис. … канд. юрид. наук. – Владимир, 2004. – С. 37.

[3] Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. – М., 1988. – С. 334.

тим с природой человека; лишить человека свободы воли – значит лишить его действия какой бы то ни было нравственности[1]. Постепенно приходит понимание того, что не государство создает и предоставляет права личности, а она имеет их от рождения, обязанностью же государства является признание и защита этих прав.

Обобщая многочисленные подходы к определению естественного права, были выделены его основные юридические признаки. Так, И. В. Упоров считал, что естественные права отличают от других субъективных прав прежде всего:

1) возникновением с момента рождения;
2) неотчуждаемостью (неотъемлемостью);
3) выражением наиболее существенных возможностей развития человека;
4) непосредственным и объективным характером реализации[2].

Г. Ф. Шершеневич под естественным правом понимал:

1) право, которое было бы, если бы не существовало государства и законов;

2) право, которое имело место в естественном состоянии до того, как возникло государство;

3) политический и юридический идеал, т. е. такое право, которое должно бы действовать вместо существующего несовершенного позитивного права;

4) действующее право, которое следует применять тогда, когда законами вопрос не урегулирован или закон несправедлив[3].

Понятие естественного права дано у В. С. Нерсесянца: «Естественное право – это право, которое как выражение объективных ценностей и требований человеческого бытия является единственным и безусловным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство»[4].

Что же касается непосредственно права человека на жизнь, то при его характеристике всегда делался акцент на его естественно-правовом характере, ведь «мать естественного права есть сама природа человека»[5].

Так, еще Дж. Локк одним из первых среди естественных прав называл именно право человека на жизнь: «человек рождается, имея право на полную свободу и неограниченность пользования всеми правами и привилегиями естественного закона <...> и по природе своей обладает властью охранять свою собственность, т. е. свою жизнь, свободу и имущество»[6].

Однако официальное закрепление право человека на жизнь впервые получило лишь в Декларации независимости США 4 июля 1776 года, провозгласившей, что «…все люди сотворены равными и что все они наделены определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежит жизнь, свобода и стремление к счастью»[7].

С того времени все большее отражение получала мысль о том, что право человека на жизнь должно находиться под защитой государства, которое в свою очередь должно охранять это право независимо от пола, возраста, расы человека. Ведь жизнь – это абсолютное благо, на которое никто не может посягать и государство должно «обеспечить для каждого возможность существования и освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают физически и нравственно»[8].

Однако с момента закрепления права человека на жизнь в Декларации независимости США 4 июля 1776 года на протяжении длительного времени, вплоть до XIX века, нормы о

---

[1] Руссо. Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права: трактаты. – М., 1969. – С. 161.

[2] Упоров И. В. Правовое регулирование естественных прав и свобод человека в местах лишения свободы. – Рязань, 1998. – С. 11.

[3] Гасанов К. К. Основные права человека: вопросы неотчуждаемости: монография. – М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2003. – С. 5.

[4] Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. – М.: Норма, 2011. – С. 613.

[5] Гроций Г. О праве войны и мира. – М., 1957. – С. 45.

[6] Локк Д. Два трактата о правлении // Локк Д. Сочинения: в 3-х т. Т. 3. – М., 1988.

[7] Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. – М., 1957. – С. 167.

[8] Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. – М., 1863. – С. 4.

праве на жизнь не включались в нормативные правовые акты. Позднее право на жизнь получило официальное признание в Финляндии (1919 г.), Португалии (1933 г.), Ирландии (1937 г.).

Принятие же Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года Всеобщей декларации прав человека явилось международным признанием права на жизнь.

С развитием института прав человека менялось и содержание права на жизнь. Так, И. А. Покровский писал, что «…если государство признает себя обязанным спасать людей от голодной смерти – значит, каждый отдельный человек имеет право требовать этого от государства, и, таким образом, искомое право на существование уже есть»[1]. Но, как справедливо замечает Н. В. Кальченко, право на жизнь и право на существование близки по содержанию, но все же не тождественны. Право на существование целесообразнее рассматривать как один из аспектов права на достаточный уровень жизни – самостоятельное социальное право. Указанная аналогия довольно четко прослеживается при исследовании их содержания: в качестве блага, обеспечиваемого тем и другим правом, выступает человеческое существование, определяемое объемом необходимых жизненных условий: хорошим питанием, обеспеченностью жильем и одеждой и т. д.[2]

Признание права на достаточный уровень жизни получило в советском государстве, где социальным правам отдавалось предпочтение перед личными и политическими правами. Во всех советских конституциях сначала фиксировались социально-экономические права, а затем уже политические и личные.

В советской юридической науке право на жизнь не исследовалось как самостоятельное, а рассматривалось в качестве элемента права на неприкосновенность личности, которое трактовалось как право на государственную охрану и защиту от неправомерных посягательств на личную безопасность лица. С появлением в Конституции Российской Федерации ст. 20, закрепляющей право на жизнь, исчезла необходимость рассмотрения жизни как одного из элементов физической неприкосновенности[3].

В международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года закреплено, что право на жизнь – это неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

В Конвенции о правах ребенка 1989 года также установлено, что государства-участники признают, что каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь[4].

Однако, как справедливо подчеркивается в юридической литературе, право на жизнь не означает саму жизнь[5], ведь, судя по всему, законом охраняется не жизнь, а право на жизнь[6].

---

[1] Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование. – С. 6.

[2] Кальченко Н. В. Право человека на жизнь: вопросы теории и практики. – Волгоград, 2003. – С. 4.

[3] Там же. – С. 5.

[4] Конвенция о правах ребенка: [одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года; вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 года] // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLVI. – 1993.

[5] Романовский Г. Б. Гносеология права на жизнь. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 10.

[6] Fawcett J. E. C. The Application of the European Convention on Human Rights. – Oxford, 1987. – P. 37.

Н. А. Долгова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ПОТРЕБИТЕЛЯ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ НА ИНФОРМАЦИЮ ОБ УПРАВЛЕНИИ МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ В СВЕТЕ РЕФОРМИРУЕМОГО ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Защита прав потребителей в сфере жилищно-коммунального хозяйства выступает одной из существенных социально значимых функций государства. Обеспечение реализации данной функции в жилищно-коммунальной сфере, безусловно, сочетает административные и гражданско-правовые механизмы защиты прав потребителей, и последнее в условиях рыночной экономики и свободы гражданского оборота имеет приоритетный характер[1].

Одним из законодательно закрепленных прав потребителей, обеспечивающих реализацию механизма защиты прав потребителей, является право потребителя на информацию.

Термин «информация» в контексте провозглашения основных прав и свобод человека и гражданина впервые был употреблен во Всеобщей декларации прав человека 1948 года (далее – Декларация прав человека). Согласно ст. 19 Декларации прав человека, свобода убеждений и свободное выражение их, составляющие право каждого человека, включают, в частности, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Это дает основание утверждать, что свобода информации является необходимым условием свободы мысли[2].

Право потребителя на информацию было закреплено еще в Законе «О защите прав потребителей» от 9 января 1996 года № 2–ФЗ о внесении изменений и дополнений[3] с ростом возможностей для потребительского выбора возросло и значение информации, поучаемой потребителем.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 года № 7 «О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей»[4] в тех случаях, когда отдельные виды гражданско-правовых отношений с участием потребителей, помимо норм ГК РФ, регулируются и специальными законами Российской Федерации (к которым можно отнести ЖК РФ), то к отношениям, вытекающим из таких дого-

---

[1] В качестве результатов осуществления государственными органами подобной функции можно назвать Постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 28 декабря 2004 года № 12 «О повышении эффективности контрольно-надзорных мероприятий в сфере жилищно-коммунального хозяйства», Приказ Роспотребнадзора от 28 декабря 2004 года № 44 «Об утверждении Плана действий Роспотребнадзора по надзору и контролю за соблюдением законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и защите прав потребителей в сфере жилищно-коммунального хозяйства на декабрь 2004–2005 гг.», Письмо Роспотребнадзора от 28 декабря 2004 года № 0100/3671-04-27 «О методических рекомендациях по вопросам защиты прав потребителей в сфере жилищно-коммунального хозяйства», Письмо Роспотребнадзора от 6 июня 2005 года № 0100/4265-05-32 «О правовых основаниях возмещения вреда, причиненного потребителям вследствие недостатков товара, работы или услуги», Письмо Роспотребнадзора от 1 августа 2005 года № 0100/5932-05-32 «О правовых основаниях защиты прав потребителей в сфере долевого строительства жилья».

[2] См.: Башаратьян М. К. Информация как объект права и содержание права на информацию // Современное право. – 2006. – № 12. – С. 71.

[3] О защите прав потребителей: Федеральный закон от 9 января 1996 года № 2–ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

[4] О практике рассмотрения судами дел о защите прав потребителей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 1994 года № 7 // Российская газета. – 1994. – 29 сентября.

воров, Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» может применяться в части, не противоречащей ГК РФ и специальному закону (данный нормативно-правовой акт в настоящее время отсутствует).

Преобладающей точкой зрения и в специальной литературе[1] и судебной практике[2] по поводу управления общим имуществом, является отнесение данных отношений к группе обязательств по оказанию услуг.

Согласно ст. 38 Закона о защите прав потребителей в отношении бытового и иных видов обслуживания потребителей применяются правила бытового и иных видов обслуживания потребителей (правила выполнения отдельных видов работ и правила оказания отдельных видов услуг), утвержденные Правительством РФ.

Таким образом, отношения по поводу обязанности предоставить потребителю жилищно-коммунальных услуг необходимую информацию регулируются общими положениями Закона о защите прав потребителей с учетом специфики и состава необходимой информации закрепленных в Постановлениях Правительства РФ.

В Жилищном кодексе РФ ранее отсутствовали соответствующие нормы об обязанности предоставления необходимой и достаточной информации потребителям со стороны лица, осуществляющего управление многоквартирным домом. Данное обстоятельство способствовало тому, что информация до потребителя доводилась по факту, а именно из квитанции на оплату услуг ЖКХ, которая не содержала развернутый перечень оказанных услуг, что давало возможность различным злоупотреблениям.

Вопрос об открытой информации в сфере управления многоквартирными домами был решен Правительством РФ в ноябре 2010 года с вступлением в силу Постановления от 23 сентября 2010 года № 731 «Об утверждении стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами»[3]. Данный Стандарт раскрытия информации, согласно п. 10 ст. 161 ЖК РФ действует в отношении всех лиц, занимающихся профессиональным управлением многоквартирного дома (управляющие организации, ТСЖ, ЖСК, ЖК и иные специализированные кооперативы). Если ТСЖ или Кооператив заключили договор с управляющей организацией, то последняя и должна предоставлять информацию потребителю.

Перечень необходимой информации содержащейся в Стандартах дополняется в отношении деятельности по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома в Постановлении Правительства РФ от 13 августа 2006 года № 491 «Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность»[4]; в отношении коммунальных услуг – в Правилах предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов (п. 31)[5]. При этом перечень информации, подлежащей официальному опубликованию, является обязательным.

---

[1] Юрьева Л. А. К вопросу о правовой сущности договоров об оказании услуг управления / Л. А. Юрьева // Бюллетень нотариальной практики. – 2008. – № 4.

[2] Постановление ФАС Поволжского округа от 30 апреля 2009 года по делу № А12-10555/2008 [постановление опубликовано не было] // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами: Постановление Правительства РФ от 23 сентября 2010 года № 731 // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 40. – Ст. 5064.

[4] Об утверждении Правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность: Постановление Правительства РФ от 13 августа 2006 года № 491 // Российская газета. – 2006. – № 184.

[5] Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: Постановление Правительства РФ № 354 от 6 мая 2011 года // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 22. – Ст. 3168.

Традиционно предоставляемая потребителю информация делится на два вида: информация об исполнителе и информация, об оказываемой услуге (работе).

1. Информация о лице, осуществляющем управление многоквартирным домом.

Постановление Правительства РФ № 731 возлагает обязанность по информированию потребителей на управляющую организацию (иное лицо профессионально занимающегося управлением) о самой управляющей организации (место нахождения, сведения о государственной регистрации, режим работы, фамилия, имя и отчество руководителя, а для индивидуального предпринимателя – дополнительно сведения о государственной регистрации и наименование зарегистрировавшего его органа).

Помимо данных сведений, необходимых потребителям, с которыми у управляющей организации уже заключен договор управления, предоставляются также общие сведения, которые могут дать представление о компании потенциальным потребителям, а именно:

– перечень многоквартирных домов, находящихся в управлении организации (адреса домов и общая площадь помещений в них). Заметим, что из формулировки, приведенной в п. 8 Стандарта раскрытия информации, трудно установить, что требуется указывать – общую площадь помещений в каждом доме либо совокупную площадь помещений, находящуюся в управлении компании;

– перечень многоквартирных домов, в отношении которых договоры управления были расторгнуты в предыдущем календарном году, с указанием адресов этих домов и оснований расторжения. О расторжении договора речь идет в пп. 8, 8.1, 8.2 ст. 162 ЖК РФ, а также в гл. 29 ГК РФ, причем прекращение договора в связи с истечением срока его действия нельзя считать расторжением. Таковым является досрочное прекращение обязательств по соглашению сторон, требованию одной из сторон при существенном нарушении договора другой стороной, в связи с существенным изменением обстоятельств, а также по специальным основаниям, прописанным в пп. 8.1, 8.2 ст. 162 ЖК РФ;

– сведения о членстве управляющей компании в саморегулируемой организации и (или) других объединениях управляющих организаций с указанием их наименований и адресов, включая официальный сайт в Интернете.

– информация об основных показателях финансово-хозяйственной деятельности (п. 10 ст. 161 ЖК РФ и подп. «б» п. 3 Стандарта раскрытия информации) в части исполнения такой управляющей организацией договоров управления многоквартирным домом. В числе данных сведений отнесены сведения о доходах, полученных за оказание услуг по управлению многоквартирными домами, и расходах, понесенных в связи с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами. Полагаем, что здесь речь идет о доходах и расходах в целом по договорам управления многоквартирными домами, а не об услугах непосредственно по управлению (за исключением коммунальных услуг, а также услуг и работ по содержанию и ремонту общего имущества).

Особое внимание уделяется информированию потребителей о случаях снижения платы за нарушение качества коммунальных услуг и случае привлечения к административной ответственности.

На наш взгляд, в данный перечень необходимо добавить сведения о штатном расписании профессионального управляющего и общих расходах на заработную плату в предыдущем году.

2. Информация о деятельности профессионального управляющего состоит из двух группах услуг и сведений об их стоимости:

А. Информация о самих услугах и работах, оказываемых управляющей организацией по содержанию и ремонту общего имущества, их стоимости и порядке их проведения.

Данная информация должна предоставляться независимо от того, сами управляющие выполняют данные работы (услуги) или с привлечением третьих лиц.

В п. 11 Правил содержания общего имущества приведен весьма перечень действий, направленных на содержание общего имущества. При этом, согласно п. 1.2 ст. 161 ЖК РФ, состав минимального перечня необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего

имущества в многоквартирном доме услуг и работ, порядок их оказания и выполнения устанавливаются Правительством Российской Федерации.

Действующие Правила содержания общего имущества являются скорее организационным документом, более конкретный перечень действий по обслуживанию жилфонда приведен в Правилах и нормах технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденных Постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 года № 170. Следовательно, в настоящий время данный акт отсутствует.

Считаем необходимым, впоследствии включить в предоставляемую информацию два перечня работ (услуг): обязательный и дополнительный, который оказывается профессиональным управляющим.

Поскольку цена договора управления устанавливается на год, то сведения предоставляются об услугах и работах, которые оказываются и выполняются в текущем году и включают в себя: описание содержания каждой работы (услуги); периодичность выполнения работы (оказания услуги); результат выполнения работы (оказания услуги); гарантийный срок (в случае если гарантия качества работ предусмотрена федеральным законом, иным нормативным правовым актом Российской Федерации или предлагается управляющей организацией); конструктивные особенности, степень физического износа и технического состояния общего имущества многоквартирного дома, определяющие выбор конкретных работ (услуг).

В силу подп. «б» п. 13 Стандарта раскрытия информации стоимость каждой работы (услуги) определяется в расчете на единицу измерения (наряду с общепринятой и традиционно используемой единицей измерения – 1 кв. м общей площади помещений в многоквартирном доме в комментируемом документе предлагаются и иные единицы, например 1 пог. м соответствующих инженерных сетей, 1 прибор учета соответствующего коммунального ресурса и др.).

В этом разделе, на наш взгляд, потребителю должна быть предоставлена информация по каждому многоквартирному дому относительно того, сколько денег было получено управляющей организацией с потребителей, сколько было потрачено на обслуживание многоквартирного дома и объем долга потребителей.

Представляется необходимыми обозначить обязанность управляющего предоставлять сведения о доли участия каждого собственника в содержании общего имущества, чтобы собственник имел возможность определить свои собственные затраты по каждому виду работ (услуг), путем указания в квитанции на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Информация о порядке и условиях оказания услуг по содержанию и ремонту общего имущества предполагает сведения о проекте договора управления, заключаемого с собственниками помещений, ТСЖ, который должен содержать все существенные условия. Кроме этого, согласно подп. «б» п. 11 Стандарта раскрытия информации раскрытию подлежат следующие сведения в отношении *каждого* многоквартирного дома:

– план работ на срок не менее одного года по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома, мер по снижению расходов на работы (услуги), выполняемые (оказываемые) управляющей организацией, с указанием периодичности и сроков их осуществления, а также сведения об их выполнении (оказании) и причинах отклонения от плана. Исходя из грамматического толкования данного положения (сопоставление плана и фактического выполнения работ), «план работ на срок не менее одного года» может быть представлен ретроспективно. На наш взгляд, должно быть четко определено, что план работы представляется на предыдущий год, и отдельно предоставляются сведения о выполнении предыдущего плана;

– сведения о количестве случаев снижения платы за нарушения качества содержания и ремонта общего имущества в многоквартирном доме за последний календарный год.

Б. Информация об услугах, оказываемых с достижением целей управления, которые условно можно поделить на три группы.

Первая группа. Информация об услугах, оказываемых управляющей организацией по обеспечению поставки в многоквартирный дом коммунальных ресурсов.

Данный вид информации должен предоставляться с учетом требований новых Правил оказания коммунальных услуг[1] и составляет следующие сведения: перечень коммунальных ресурсов, которые управляющая организация закупает у РСО, с указанием конкретных поставщиков, а также объема закупаемых ресурсов и цен на такие ресурсы, по которым управляющая организация закупает их у РСО; тарифы (цены) для потребителей, установленные для РСО, у которых управляющая организация закупает коммунальные ресурсы; тарифы (цены) на коммунальные услуги, которые применяются управляющей организацией для расчета размера платежей для потребителей; порядке и форме оплаты коммунальных услуг; показатели качества коммунальных услуг, предельные сроки устранения аварий и иных нарушений порядка предоставления коммунальных услуг, установленные законодательством Российской Федерации; сведения о максимально допустимой мощности приборов, оборудования и бытовых машин, которые может использовать потребитель для удовлетворения бытовых нужд.

Также в составе данной информации должны публиковаться сведения об организации, на которую возложена обязанность по установке прибора учета коммунального ресурса и предоставлении рассрочки в оплате услуг по установке прибора учета[2]

В перечне необходимой информации отсутствуют сведения о перерывах и некачественном предоставлении коммунальных услуг.

Вторая группа. Информация об услугах по обеспечению комфортного проживания граждан (охрана подъезда, охрана коллективных автостоянок, учет собственников помещений в многоквартирном доме и иные услуги);

На наш взгляд, именно в этом разделе необходимо также публиковать сведения об услугах связанных с «…обоснованными расходами на истребование задолженности по оплате жилых помещений и коммунальных услуг, на снятие показаний приборов учета, содержание информационных систем, обеспечивающих сбор, обработку и хранение данных о платежах за жилые помещения и коммунальные услуги, выставление платежных документов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг». В настоящее время согласно п. 29 Правил содержания общего имущества они относятся к расходам за содержание и ремонт жилого помещения.

Третья группа. Информация об услугах по коммерческому или иному использованию общего имущества многоквартирного дома на условиях, определенных решением общего собрания (о заключение от имени собственников помещений в многоквартирном доме договоров на установку и эксплуатацию рекламных конструкций и т. д.).

Анализ обязательных сведений предоставляемых потребителю позволяет сделать вывод, что имея такую информацию, любой потребитель сможет посчитать, проанализировать и сделать заключение о том, соответствует ли качество оказанной услуги цене, которая обозначена в квитанции на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Установление в законе непосредственной обязанности управляющей организации раскрывать информацию о своей деятельности должно способствовать прозрачности деятельности управляющих организаций; доступности и открытости информации об их деятельности; осуществлению систематического сбора и анализа информации об их финансово-хозяйственной деятельности, а также позволит запустить эффективный механизм общественного контроля. Что, в свою очередь, будет являться существенной правовой гарантией осуществления гражданских прав и обязанностей субъектами жилищных правоотношений при оказании жилищно-коммунальных услуг.

---

[1] Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: Постановление Правительства РФ № 354 от 6 мая 2011 года.

[2] См.: Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 23 ноября 2009 года № 261–ФЗ // Российская газета. – 2009. – 27 ноября.

О. А. Коробов

О НЕКОНСТИТУЦИОННОСТИ ПОЛОЖЕНИЙ ПУНКТА 6 СТАТЬИ 242.2 БЮДЖЕТНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУНКТА 1 СТАТЬИ 395 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В судебной практике нередко встречаются случаи, когда применение нормы материального права вызывает сомнения в ее конституционности. Ярким примером служит дело № А12-18951/2010, в рамках которого арбитражный суд отказал МУП «Волгоградэлектротранс» в иске к муниципальному образованию город-герой Волгоград в лице департамента финансов администрации г. Волгограда о взыскании за счет казны муниципального образования процентов за пользование чужими денежными средствами, исчисленных по правилам п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с несвоевременным исполнением судебного акта.

При этом суд первой инстанции указал, что за указанный истцом период не могут быть взысканы проценты за пользование чужими денежными средствами, поскольку истцом по собственной инициативе пропущен срок для предъявления исполнительного документа к исполнению в порядке, установленном гл. 24.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Суды апелляционной и кассационной инстанций признали этот вывод правильным, а также указали, что поскольку правоотношения сторон по настоящему делу возникли не из гражданско-правовых, а из публично-правовых отношений, связанных с невозмещением муниципальным образованием в установленном законом порядке разницы между доходами, полученными от реализации услуг по утвержденной органами местного самоуправления стоимости, и фактическими затратами на оказание услуг, понесенными Предприятием, то в данном случае должны применяться нормы п. 6 ст. 242.2 БК РФ, предусматривающие трехмесячный срок для исполнения поступивших исполнительных документов.

В определении Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № ВАС-13630/11 от 26 декабря 2011 года также было указано, что по данному делу взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами вытекает не из гражданско-правовых, а из публичных правоотношений.

В настоящей статье предпринята попытка выявить конституционно-правовой смысл положений п. 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые применил арбитражный суд, рассматривая вышеуказанное дело.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 8-П, конституционный принцип правового государства возлагает на Российскую Федерацию обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность, что предполагает установление такого правопорядка, который должен гарантировать каждому государственную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 1; ст. 2, 17, 18; ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации). Правосудие как важнейший элемент данного правопорядка по самой своей сути является таковым, если обеспечивает справедливое разрешение дела и эффективное восстановление в правах.

Вступившие в законную силу акты федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, согласно ч. 1, 2 ст. 6 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному ис-

полнению на всей территории Российской Федерации; неисполнение постановления суда, а равно иное проявление неуважения к суду влекут ответственность, предусмотренную федеральным законом.

Эти требования корреспондируют ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, провозгласившей обязанность государства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты, а также п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в его интерпретации Европейским Судом по правам человека.

Так, в Постановлении от 19 марта 1997 года по делу «Хорнсби против Греции» (Hornsby v. Greece) указано, что право на судебную защиту стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное, обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу одной из сторон; исполнение решения, вынесенного любым судом, должно рассматриваться как неотъемлемая часть суда. Усмотрев в деле «Бурдов против России» (Burdov v. Russia) нарушение положений ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, согласно которой каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности и никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права, Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 7 мая 2002 года по данному делу пришел к выводу, что, не исполнив решение суда, власти государства-ответчика лишили заявителя возможности взыскать денежные средства, которые он разумно рассчитывал получить, нехватка же средств не может служить тому оправданием.

Кроме того, Европейский Суд по правам человека особо отметил, что нарушение права на суд может также приобрести форму задержки исполнения решения; при этом не каждая задержка в исполнении решения суда представляет собой нарушение права на суд, а лишь такая, которая искажала бы саму суть данного права, гарантируемого статьей 6 Конвенции (Постановление от 18 ноября 2004 года по делу «Вассерман против России» (Wasserman v. Russia) и др.).

Конституционный Суд Российской Федерации также указал в Постановлении от 14 июля 2005 года № 8-П, что особым субъектом, в отношении которого может осуществляться исполнительное производство, является государство. Эффективное выполнение государством возложенных на него публичных функций, в том числе связанных с гарантированием и защитой прав и свобод граждан, с необходимостью предполагает должный уровень их материально-финансовой обеспеченности посредством образования и использования публично-правовых фондов денежных средств – бюджетов.

Вынесение судебных решений по искам к Российской Федерации порождает коллизию конституционных ценностей – своевременности и полноты исполнения судебного решения, с одной стороны, и стабильности и непрерывности в реализации государством возложенных на него функций и, следовательно, стабильности гарантированного государством конституционно-правового статуса личности – с другой. Данная коллизия, исходя из необходимости обеспечения баланса названных конституционных ценностей и недопустимости умаления ни одной из них, подлежит разрешению, в том числе на основе закрепленного в ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации принципа, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина (а значит, и права на судебную защиту) не должно нарушать права и свободы других лиц.

Учитывая это, федеральный законодатель вправе установить порядок исполнения судебных решений в отношении государства, предусматривающий определенные изъятия из такого общего правила исполнительного производства, как применение к должнику мер принуждения вплоть до принудительного отчуждения имущества. Государству в процессе исполнения судебного решения, вынесенного по иску к Российской Федерации (как и по денежным обязательствам получателей средств федерального бюджета, подлежащим исполнению за счет средств федерального бюджета), во всяком случае должна быть обеспечена возможность принять организационно-технические меры по перераспределению бюджетных

средств, находящихся на казначейских счетах, таким образом, чтобы реализация права на судебную защиту не парализовала деятельность соответствующих государственных структур (решения и действия которых стали причиной вынесения судебного решения) и, следовательно, не привела бы к нарушению обеспечиваемых их функционированием прав и свобод человека и гражданина.

Согласно п. 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации исполнение судебных актов производится в течение трех месяцев со дня поступления исполнительных документов на исполнение. Исполнение судебных актов может быть приостановлено в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Положение п. 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации конкретизируется в п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума ВАС РФ № 64 от 23 декабря 2010 года «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», в котором указано, что при исчислении общей продолжительности исполнения судебного акта учитывается период со дня поступления надлежаще оформленного исполнительного документа на исполнение до момента окончания производства по исполнению судебного акта (п. 6 ст. 242.2, п. 8 ст. 242.3, п. 7 ст. 242.4, п. 7 ст. 242.5 БК РФ).

Само по себе положение п. 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, по нашему мнению, соответствует Конституции Российской Федерации, так как устанавливает для взыскателей дополнительные гарантии исполнения судебных актов в виде установления конкретного трехмесячного срока их исполнения.

В то же время по смыслу, придаваемому данному положению правоприменительной практикой, оно освобождает муниципальное образование от ответственности за несвоевременное исполнение судебного акта в случаях, когда взыскатель не предъявил исполнительный лист о взыскании денежных средств за счет казны муниципального образования к исполнению.

Тем самым, по нашему мнению, нарушается утвержденный национальным законодательством и нормами международного права принцип обязательности исполнения судебных актов, предполагающий безусловное их исполнение должниками вне зависимости от того, совершил ли взыскатель действия по принудительному исполнению судебного решения.

Установленные Бюджетным кодексом Российской Федерации особенности порядка исполнения судебных актов, предусматривающие взыскание средств за счет бюджетов по предъявлении исполнительного листа, не регулируют имущественные гражданско-правовые отношения, не затрагивают соотношения прав и обязанностей их участников и сами по себе не изменяют оснований и условий применения гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств.

В связи с этим непредъявление взыскателем исполнительного листа к исполнению не может быть расценено как просрочка кредитора или его вина в нарушении должником гражданско-правового обязательства.

Иное толкование противоречило бы принципу равенства участников гражданско-правовых отношений.

Аналогичная правовая позиция была выражена, в частности, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2010 года № 8893/10.

Согласно п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств. Размер процентов определяется существующей в месте жительства кредитора, а если кредитором является юридическое лицо, в месте его нахождения учетной ставкой банковского процента на день исполнения денежного обязательства или его соответствующей части. При взыскании долга в судебном по-

рядке суд может удовлетворить требование кредитора, исходя из учетной ставки банковского процента на день предъявления иска или на день вынесения решения. Эти правила применяются, если иной размер процентов не установлен законом или договором.

До недавнего времени все судебные инстанции исходили из невозможности взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами по причине просрочки со стороны Министерства финансов Российской Федерации исполнения требований исполнительного листа о взыскании убытков с публично-правовых образований за счет соответствующей казны[1].

Новый подход был сформулирован в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 июля 2009 года № 6961/09, где констатируется правомерность начисления процентов в порядке, предусмотренном ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, за несвоевременное исполнение Министерством финансов денежного обязательства, возникшего из судебного акта[2].

В дальнейшем в арбитражной судебной практике было сформулировано правило о том, что взыскание с публично-правового образования процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с несвоевременным исполнением судебного акта о взыскании денежных средств за счет казны публично-правового образования допускается, если требование о взыскании вытекает из гражданско-правовых отношений, а не из публичных правоотношений[3].

Аналогичный подход был продемонстрирован по делу № А12-18951/2010, рассмотренному арбитражным судом с участием МУП «Волгоградэлектротранс».

Конституционно-правовой смысл положений статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации был выявлен в ряде Определений Конституционного Суда Российской Федерации.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 19 апреля 2001 года № 99-О, пункт 3 ст. 2 ГК РФ предписывает судам и иным правоприменительным органам применять гражданское законодательство к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой в том случае, если это предусмотрено законодательством. Тем самым применение положений ст. 395 ГК РФ в конкретных спорах зависит от того, являются ли спорные имущественные правоотношения гражданско-правовыми, а нарушенное обязательство – денежным, а если не являются, то имеется ли указание законодателя о возможности их применения к этим правоотношениям.

В другом Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 года № 734-О-П указывается, что право на судебную защиту (а следовательно, и его конституирующий элемент – право на исполнение судебных решений) носит публично-правовой характер. Тем самым подчеркивается, что указанные отношения никак не могут носить гражданско-правового (частноправового) характера. При этом Конституционный Суд Российской Федерации указал, что отсутствие в российском законодательстве положений, прямо предусматривающих возможность компенсации вреда, причиненного неисполнением

---

[1] См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 28 февраля 2006 года по делу № КГ-А40/806-06, Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 30 мая 2008 года № Ф03-А24/08-1/1733, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 20 января 2006 года № КГ-А40/13848-05 и от 26 февраля 2006 года № КГ-А40/806-06, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 августа 2006 года № Ф08-3749/06.

[2] См. комментарий данного судебного акта: Белоножкин А. Ю., Сеничкин А. Ю. Последствия неисполнения судебных актов о взыскании денежных средств за счет казны // Арбитражная практика. – 2010. – № 5. – С. 86–93; Белоножкин А. Ю., Сеничкин А. Ю. Применение мер гражданско-правовой ответственности за неисполнение судебных актов о взыскании денежных средств с публично-правовых образований за счет казны // Закон. – 2010. – № 6. – С. 49–61.

[3] См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2010 года № 8893/10; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 27 июля 2010 года № 5981/10.

судебных решений, вынесенных по искам к государству и иным публично-правовым образованиям, может рассматриваться как законодательный пробел, наличие которого приводит к нарушению конституционных прав граждан. Этот пробел может быть устранен путем введения специального законодательного регулирования, а до его введения – восполнен путем толкования и применения в судебной практике общих положений (в том числе закрепленных ст. 1069, 1070, 1071 ГК РФ) об ответственности государства за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов, должностных лиц, иных публичных образований.

Таким образом, в Определении от 19 апреля 2001 года № 99-О отмечается возможность применения ст. 395 ГК РФ лишь к гражданско-правовым отношениям по поводу денежных обязательств либо к любым отношениям при наличии соответствующего указания законодателя. Этот вывод фактически исключает возможность применения указанной статьи к отношениям, возникшим по поводу неисполнения судебных актов об обращении взыскания на бюджетные средства, так как данные отношения не являются гражданско-правовыми и в законодательстве не содержится указаний о возможности применения к этим отношениям норм гражданского права. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 3 июля 2008 года № 734-О-П, напротив, дается установка на возможность применения к данным отношениям гражданского законодательства, причем конкретных его положений, устанавливающих ответственность государства за вред, причиненный незаконными действиями (бездействием) государственных органов, должностных лиц, иных публичных образований.

В силу природы гражданско-правовых отношений сама по себе возможность применения санкции, предусмотренной п. 1 ст. 395 ГК РФ, направлена на защиту имущественных интересов лица, чьи денежные средства незаконно удерживались[1].

По нашему мнению, само по себе положение п. 1 ст. 395 ГК РФ не противоречит Конституции Российской Федерации.

Однако по смыслу, придаваемому данному законоположению правоприменительной практикой, оно не допускает взыскание с муниципального образования процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с несвоевременным исполнением судебного акта о взыскании денежных средств за счет казны муниципального образования, если требование о взыскании вытекает из публичных правоотношений.

По нашему мнению, возможность привлечения должника – муниципального образования к ответственности за несвоевременное исполнение судебного акта о взыскании денежных средств за счет казны муниципального образования, не должно ставиться в зависимость от характера материально-правовых отношений между должником и взыскателем. Возникновение спора из публично-правовых отношений само по себе не может служить основанием для освобождения должника от ответственности за ненадлежащее исполнение судебного акта. В противном случае права взыскателя на своевременное исполнение судебного акта неоправданно нарушаются.

Можно предположить также, что после того, как спор между сторонами был передан на разрешение суда, отношения между ними носят уже не материальный, а процессуальный характер, который сохраняется и на стадии исполнения судебного акта. Г. Ф. Шершеневич вообще называл исполнительный лист новым обязательством[2].

В этом случае вообще отпадает необходимость дифференцированного применения п. 1 ст. 395 ГК РФ к отношениям по ненадлежащему исполнению судебных актов.

Кроме того, следует учитывать, что по делу № А12-18951/2010, рассмотренному арбитражным судом с участием МУП «Волгоградэлектротранс», речь шла о неисполнении решения Арбитражного суда Волгоградской области от 5 февраля 2010 года по делу № А12-704/2008, которым было установлено, что публично-правовое образование не исполнило перед МУП «Волгоградэлектротранс» обязанность по возмещению разницы между до-

---

[1] См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 года № 1273-О-О.

[2] См.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. – М., 1995. – С. 48.

ходами, полученными от реализации услуг по перевозке пассажиров городским электротранспортом по утвержденной стоимости и фактическими затратами на оказание услуг, понесенными предприятием за 2003, 2004 годы. Таким образом, публично-правовое образование не исполняет своего обязательства перед МУП «Волгоградэлектротранс» более 9 лет. Невозможность возложения ответственности на публично-правовое образование на надлежащее исполнение указанного обязательства ничем не обоснована. Характер этого обязательства (гражданско-правовой или публично-правовой) сам по себе не должен служить таким обоснованием.

Таким образом, положение п. 6 ст. 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и положение п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации не соответствуют требованиям ст. 2, 19, 45, 46 Конституции Российской Федерации и нарушают конституционные права и свободы МУП «Волгоградэлектротранс».

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что имеются основания признать не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее ст. 2, 19, 45, 46, положение пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации, поскольку оно по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, освобождает муниципальное образование от ответственности за несвоевременное исполнение гражданско-правового обязательства, а также за несвоевременное исполнение судебного акта в случаях, когда взыскатель не предъявил исполнительный лист о взыскании денежных средств за счет казны муниципального образования к исполнению.

Также есть основания признать не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее ст. 2, 19, 45, 46, положение п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку оно по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не допускает взыскание с муниципального образования процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с несвоевременным исполнением гражданско-правового обязательства, а также в связи с несвоевременным исполнением судебного акта о взыскании денежных средств за счет казны муниципального образования, если требование о взыскании вытекает из публичных правоотношений.

Е. Ю. Маликов

ЗАЩИТА ПРАВА И ПРАВО НА ЗАЩИТУ: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ

Защита гражданских прав представляет собой опирающуюся на государственное принуждение систему мер, предусмотренных законом, направленных на неприкосновенность права, его осуществимость и ликвидацию последствий нарушения.

В научной и учебной литературе высказано несколько позиций по вопросу понимания защиты гражданских прав.

Отдельные ученые усматривают в защите общую функцию, осуществляемую путем применения компетентным органом любых гражданско-правовых санкций («теория функции»)[1]. Другие авторы определяют защиту как предусмотренную законом для борьбы с правонарушениями систему мер («теория мер»)[2]. Третьи понимают под защитой деятельность управомоченных или компетентных органов по устранению препятствий на пути осуществления субъектами своих прав («теория деятельности»)[3].

Последняя позиция является в настоящее время господствующей в юридической литературе. В обоснование ее преимуществ обычно ссылаются на то, что определение понятия защиты через категорию «деятельности» «придает субъектам защиты характер активных действий по реализации права на защиту», «дает возможность более точно установить основания и цели защиты, проанализировать отдельные виды действий по защите гражданских прав, а также выявить их взаимосвязь и единство»[4].

Соглашаясь в принципе с подобными утверждениями, заметим, что сама «теория деятельности» основывается на некоей категориальной подмене: вместо понятия «защита» фактически анализируется понятие «реализация (осуществление) защиты». И хотя все существенные черты защиты проявляются только при ее осуществлении, а ее действенность определяется именно возможностью реализации, определение правовой категории «защиты» требует ее анализа и в статическом состоянии. В этом плане более предпочтительной представляется «теория мер».

Исследование категории «защита гражданских прав» предполагает выяснение содержания ряда взаимосвязанных понятий и в первую очередь понятия «право на защиту», которое в самом общем виде можно определить как предоставленную управомоченному лицу возможность применения мер правоохранительного характера для восстановления нарушенного (оспариваемого) права[5].

Вопрос о правовой квалификации права на защиту является дискуссионным в отечественной цивилистической науке. При этом все разнообразные точки зрения относительно его сущности можно свести к двум принципиальным позициям.

---

[1] См., например: Илларионова Т. И. Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер. – Свердловск, 1980. – С. 39.

[2] Васин Ю. Г., Диденко А. Г. Защита субъективных гражданских прав // Юридические науки. Вып. 1. – Алма-Ата, 1971. – С. 3; Советское гражданское право: учебник: в 2-х ч. Ч. 1 / под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко. – 2-е изд., испр. и доп. – Л., 1982. – С. 190.

[3] Арефьев Г. П. Понятие защиты субъективных прав // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. – Калинин, 1982. – С. 19; Сабикенов С. Некоторые вопросы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов советских граждан // Проблемы государства и права. Вып. 9. – М., 1974. – С. 62; Тычинин С. В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях: дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 1996. – С. 90.

[4] Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. в виде научн. доклада. – СПб., 1998. – С. 18.

[5] Крашенинников Е. А., Шевченко А. С. Охранительные правоотношения и защита гражданских прав // Субъективное право: проблемы осуществления и защиты. – Владивосток, 1989. – С. 48.

Согласно общепринятой концепции, право на защиту рассматривается как элемент самого субъективного права лица, что основывается на предложенной Н. Г. Александровым и ставшей уже классической «формуле», характеризующей всякое субъективное право наличием троякого рода возможностей[1]. Одна из которых – прибегнуть к содействию государственных органов – традиционно рассматривалась в юридической литературе в качестве права на защиту.

Начало разработки в цивилистической доктрине проблемы защиты гражданских прав, введение в научный оборот категории «оперативные санкции» привели к значительной модернизации формулы Н. Г. Александрова.

В. П. Грибанов отмечал, что неверно сводить содержание права на защиту только к возможности обратиться с требованием защиты права к соответствующим государственным или общественным органам. Право на защиту в его материально-правовом значении, то есть как одно из правомочий самого субъективного гражданского права, представляет собой возможность применения в отношении правонарушителя мер принудительного воздействия, причем подобную возможность не следует понимать только как приведение в действие аппарата государственного принуждения. Анализ гражданского законодательства, по мнению автора, свидетельствует, что право на защиту по своему материально-правовому содержанию включает в себя не только возможность управомоченного лица обратиться к компетентным государственным или общественным органам с требованием понуждения обязанного лица к определенному поведению, но и возможность управомоченного лица использовать дозволенные законом средства собственного принудительного воздействия на правонарушителя, защищать принадлежащее ему право собственными действиями фактического порядка (самозащита гражданских прав), а также возможность применения непосредственно самим управомоченным лицом юридических мер оперативного воздействия на правонарушителя[2].

Однако, несмотря на эти существенные уточнения, В. П. Грибанов остается принципиальным сторонником права на защиту как лишь одного из правомочий самого материального права.

Воздерживаясь от детального анализа изложенной позиции, заметим лишь, что она представляется нам достаточно громоздкой и методологически спорной. С одной стороны, данное право признается одной из возможностей, входящих в содержание субъективного права, с другой – оно само включает в себя ряд возможностей. Таким образом, не расценивая права на защиту в качестве самостоятельного права, его характеризуют именно с позиций содержания субъективного права[3].

Внешне отличной, но принципиально сходной по существу является точка зрения, признающая обеспеченность субъективного права возможностью государственного принуждения. Такая возможность не существует параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве правомочиями, а свойственна им самим, поскольку без этого они не были бы юридическими возможностями[4].

С разработкой в рамках общей теории концепции охранительных субъективных прав получил свое распространение принципиально иной взгляд на квалификацию права на защиту, согласно которому последнее представляет собой самостоятельное субъективное право. Обосновывая эту позицию, ее сторонники обычно указывают на следующие обстоятельства. Во-первых, элементы субъективного права должны находиться в органическом единстве, которое предполагает и единство адресатов возникновения возможностей[5]. Право же на защиту возни-

---

[1] Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М., 1954. – С. 108–109.

[2] Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. – М., 1972. – С. 154–155.

[3] Можно было бы посчитать это частным недостатком, неточным использованием правовой терминологии, если бы в своих более поздних работах В. П. Грибанов не перешел при правовой квалификации права на защиту на прямо противоположные позиции, нисколько не изменив взглядов на содержание права на защиту (см.: Гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. – М., 1993. – С. 160).

[4] Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. – М., 1976. – С. 73–74; Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. – Л., 1968. – С. 25.

[5] Благов Е. В. Структура субъективного права // Философские проблемы субъективного права: тезисы докладов научно-практич. конференции молодых ученых и специалистов. – Ярославль, 1990. – С. 14.

кает у лица, действительно обладающего каким-либо регулятивным правом, при условии, что оно нарушено или оспаривается и законом предусмотрена его охрана[1]. Во-вторых, некоторые субъективные права в случае их нарушения прекращают существование. В-третьих, защите подлежат не только субъективные права, но и охраняемые законом интересы.

Все это свидетельствует о том, что в результате правонарушения, оспаривания или при других помехах в реализации права возникает новое и относительно самостоятельное субъективное право – право на защиту[2].

Мы склонны полагать, что право на защиту должно рассматриваться как самостоятельное субъективное право. В подобном качестве оно представляет собой меру дозволенного поведения управомоченного лица. Содержание права на защиту в общем виде включает две конкретные охранительные возможности: возможность совершения охранительных действий самим управомоченным и возможность притязания к правонарушителю. При этом отличительная особенность первой возможности состоит в том, что она может быть реализована только действиями самого управомоченного. В отличие от нее возможность притязания может быть реализована как усилиями самих заинтересованных лиц, так и в принудительном порядке юрисдикционными органами, если обязанное лицо добровольно не выполняет законных требований (притязаний) управомоченного[3].

Данные выводы не дают основания для признания за правом на защиту процессуального характера, попытки чего предпринимались в юридической литературе[4]. Е. В. Крашенинников убедительно доказал существование двух взаимосвязанных институтов защиты: защиты в материальном смысле и защиты в процессуальном смысле, а также необходимость их четкого разграничения. Несмотря на тесную взаимосвязь и общую конечную цель, два соответствующих права не объединяются в единое целое[5].

Необоснованным также представляется и рассмотрение права на защиту в качестве института государственного права, входящего в качестве составной части в правовой статус личности[6]. С точки зрения общей теории правоотношения сама по себе категория правового статуса достаточно спорна. Ее использование фактически подводит нас к выводам о существовании субъективного права (в том числе и рассматриваемого) вне конкретных правоотношений, что невозможно.

Таким образом, субъективное право на защиту есть мера дозволенного поведения управомоченного лица, выраженная в возможности самостоятельно или посредством юрисдикционных органов применить в отношении обязанного лица государственные принудительные меры, «направленные на устранение препятствий в осуществлении регулятивного субъективного права или восстановление его в прежнее положение».

Принятие концепции права на защиту как самостоятельного субъективного права и лежащего в ее основе положения о реализации права на защиту в рамках охранительных правоотношений является серьезным шагом вперед и в методологическом плане.

Признавая факт, что независимо от того, осуществляется ли право на защиту в добровольном или принудительном порядке, опосредуется ли его осуществление деятельностью юрисдикционного органа защита регулятивных субъективных гражданских прав, всегда протекает в рамках охранительных правоотношений, мы тем самым придаем институту защиты свойства единства и системности. Кроме того, такой взгляд наиболее четко отражает механизм защиты и составляющие его элементы.

---

[1] Шевченко А. С. Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник научн. трудов. – Ярославль, 1990. – С. 29–30.

[2] Бутнев В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник научн. трудов. – Ярославль, 1990. – С. 11–12.

[3] Крашенинников Е. А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблемы защиты субъективных гражданских прав и советское гражданское судопроизводство / под ред. П. Ф. Елисейкина. – Ярославль, 1979. – С. 80; Шевченко А. С. Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав. – С. 29–30.

[4] Благов Е. В. Структура субъективного права. – С. 14.

[5] Крашенинников Е. А. Структура субъективного права и право на защиту. – С. 81–82.

[6] Воробьев М. К. Право на судебную защиту по гражданским делам // Проблемы правоведения. – Новосибирск, 1967. – С. 113.

О. А. Минеев

СПОСОБЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Суть способов обеспечения исполнения обязательств состоит в возложении на должника дополнительных обременений на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, либо в привлечении к исполнению обязательства наряду с должником третьих лиц, как это происходит, например, при поручительстве, либо в резервировании имущества, за счет которого может быть достигнуто исполнение обязательства (задаток, залог), либо в выдаче обязательства уполномоченными на то органами по оплате определенной денежной суммы (банковская гарантия). С правовой точки зрения механизм обеспечения исполнения обязательств состоит в основном в наделении обеспеченной стороны дополнительными правами помимо основных прав в обеспеченном обязательстве.

Законодатель до настоящего времени не дает определения способов обеспечения исполнения обязательств. В науке встречаются различные определения. Так, Р. Хаметов под способами обеспечения исполнения обязательства подразумевает «специальные меры, которые в достаточной степени гарантируют исполнение основного обязательства и стимулируют должника к надлежащему поведению»[1].

Б. М. Гонгало отмечает, что способы обеспечения исполнения обязательств порождают акцессорное обязательство и предусматривают возможность наступления дополнительных имущественных последствий в случаях нарушения должником обязательств по основному договору. Указанный автор способами обеспечения обязательств называет «установленные законом или договором обеспечительные меры имущественного характера, существующие в виде акцессорных обязательств, стимулирующие должника к исполнению обязательства и (или) иным образом гарантирующие защиту имущественного интереса кредитора в случае неисправности должника»[2].

Можно выделить три основных признака обеспечения исполнения обязательств, исследование которых необходимо для отграничения способов обеспечения исполнения обязательств от других мер защитного характера. Во-первых, это стимулирующий признак, во-вторых, защитный (компенсационный), в-третьих, акцессорность способов обеспечения.

В большинстве своем способы обеспечения обязательств носят вторичный характер, они не могут влиять на содержание и действительность основного обязательства. То есть если по каким-либо причинам обеспечивающее обязательство прекращается, это не оказывает воздействия на правовой характер основного обязательства, и оно остается в силе. Однако хотелось бы отметить, что иногда дополнительное обязательство может влиять на основное.

Действительно, взаимосвязь обеспечительного обязательства с основным обязательством реально существует. И это определяется их обеспечительной сущностью. Например, возможность отказа банка от предоставления кредита при недостаточном обеспечении (если условие об обеспечении было предусмотрено в кредитном договоре), возможность досрочного обращения взыскания на предмет залога при наступлении определенных условий.

---

[1] Хаметов Р., Миронова О. Законные и договорные способы обеспечения исполнения обязательств // Право и экономика. – 2007. – № 5. – С. 48.

[2] Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств: вопросы теории и практики. – М.: Статут, 2004. – С. 40.

Но в любом случае не может существовать обеспечение, если нечего обеспечивать. То есть они являются вторичными обязательствами. В качестве примера приведем пример из арбитражной практики.

Согласно ст. 1 Закона РФ от 29 мая 1992 года № 2872-1 «О залоге» (ред. от 30 декабря 2008 года) залог – способ обеспечения обязательства, при котором кредитор-залогодержатель приобретает право в случае неисполнения должником обязательства получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами за изъятиями, предусмотренными законом.

Согласно п. 1 ст. 334 ГК РФ в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом. В случаях и в порядке, которые установлены законами, удовлетворение требования кредитора по обеспеченному залогом обязательству (залогодержателя) может осуществляться путем передачи предмета залога в собственность залогодержателя.

Анализ указанных легальных определений залога позволяет вывести два конституирующих признака института залога: во-первых, право кредитора получить удовлетворение за счет заложенного имущества; во-вторых, право кредитора получить удовлетворение преимущественно перед другими кредиторами[1].

Правоприменительная практика свидетельствует о наличии нескольких блоков проблем функционирования залога как способа обеспечения обязательств.

Не вполне удачной и гибкой представляется норма п. 6 ст. 350 ГК РФ в части того, что при объявлении несостоявшимися повторных торгов залогодержатель вправе оставить предмет залога за собой с оценкой его в сумме не более чем на 10% ниже начальной продажной цены на повторных торгах. Если залогодержатель не воспользуется правом оставить за собой предмет залога в течение месяца со дня объявления повторных торгов несостоявшимися, договор о залоге прекращается. Получается, что если залогодержатель имеет намерение оставить за собой предмет залога, то он должен уменьшить и размер своего требования на величину, равную 90% начальной продажной цены на повторных торгах по реализации предмета залога. Но если предмет залога на торгах никто не приобрел, это может означать недостаточную ликвидность этого имущества. Рыночная стоимость заложенного имущества может составлять, например, 45% от начальной продажной цены (учитывая временной промежуток между вынесением судебного решения и проведением повторных торгов). И здесь у залогодержателя возникнет дилемма: либо отказаться от залога, либо зачесть свое требование к должнику со значительными убытками для себя. Не вполне понятны пределы диспозитивности закрепленного этой нормой порядка, при котором при объявлении торгов несостоявшимися залогодержатель вправе по соглашению с залогодателем приобрести заложенное имущество и зачесть в счет покупной цены свои требования, обеспеченные залогом. Возникает вопрос: должны ли при этом засчитываться в счет покупной цены все требования залогодержателя или в этом соглашении можно зачесть только часть его требований, а другую часть он удовлетворит за счет другого имущества?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Можно предположить, что по смыслу п. 6 ст. 350 ГК РФ в любом случае основное обязательство должно прекратиться полностью. С другой стороны, принцип свободы договора подразумевает, что стороны такого соглашения вправе устанавливать любые условия зачета основных обязательств за счет стоимости предмета залога. В связи с проблемой реализации предмета залога стоит отметить, что не отвечают интересам кредитора и нормы налогового законодательства, согласно которым операции по реализации предмета залога облагаются налогом на добавленную стоимость. Учитывая значительный размер этого налога, сложно просчитать дисконт при заключении дого-

[1] Буркова А. Защита интересов кредитора при залоге // Корпоративный юрист. – 2009. – № 1. – С. 34.

вора залога, поскольку при определении дисконта помимо размера НДС необходимо учесть и риски, связанные с почти неизбежной потерей ликвидности предмета залога.

Не менее актуальной проблемой остается поиск оптимального баланса интересов в треугольнике: залогодатель – залогодержатель – добросовестный приобретатель заложенного имущества. Анализ действующего российского законодательства и судебной практики со всей очевидностью показывает, что если необходимость защиты интересов добросовестного приобретателя осознается законодателем и судами, то защите прав залогодержателя не уделяется достаточного внимания. На первый взгляд, интересы залогодержателя защищены нормой ст. 346 ГК РФ, согласно которой залогодатель вправе отчуждать предмет залога только с согласия залогодержателя, а также нормой ст. 353 ГК РФ, согласно которой в случае перехода права собственности на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу право залога сохраняет силу. Но применение этих норм, защищающих залогодержателя, существенно затрудняется в ситуации, когда недобросовестный залогодатель, не ставя в известность ни залогодержателя, ни добросовестного приобретателя, отчуждает заложенное имущество этому добросовестному приобретателю. Это означает, что сделка по отчуждению заложенного имущества в соответствии со ст. 174 ГК РФ может быть признана недействительной по иску залогодержателя лишь в случаях, когда будет доказано, что приобретатель вещи знал или заведомо должен был знать о факте существования залога. Но на практике залогодержателю (а именно на нем лежит бремя доказывания) применительно к движимому имуществу весьма сложно доказать, что приобретатель при отчуждении заложенной вещи знал о существовании ее залога, если только залогодатель не оповестил приобретателя об этом или на заложенной вещи были знаки залогодержателя и т. п. Следовательно, может возникнуть ситуация, при которой, с одной стороны, залогодержатель не сможет признать договор залога недействительным (подача залогодержателем иска о признании сделки по отчуждению заложенного имущества недействительной вряд ли будет иметь судебные перспективы), а с другой – право залога не прекратится (при условиях действительности договора залога), поскольку в соответствии со ст. 352, 353 ГК РФ в этом случае право залога не прекращается, и на место залогодателя становится добросовестный приобретатель. Что же может предпринять при такой ситуации залогодержатель?

У него есть возможность в соответствии со ст. 351 ГК РФ в этом случае потребовать досрочного исполнения обеспеченного залогом обязательства и обратить взыскание на предмет залога (хотя достаточно трудно предугадать результат такого судебного спора, поскольку вещь перешла в собственность к добросовестному приобретателю). Что касается возмещения залогодателем убытков, то вопрос об этом не имеет полной ясности в отличие, например, от нарушения правил о последующем залоге (в ст. 342 ГК РФ прямо указано на возможность взыскания с залогодателя убытков). В любом случае если залогодатель будет при этом финансово несостоятелен, то залогодержатель может остаться ни с чем.

Конечно, законодателю и правоприменителю не следует идти по пути оспаривания вещных прав добросовестного приобретателя на перешедшую к нему в собственность заложенную вещь, так как это подрывает устойчивость гражданского оборота. Вместе с тем стоило бы продумать и законодательно закрепить некоторый комплекс следующих мер, защищающий интересы залогодержателя:

1) законодательно обязать залогодателя вести книгу записи залогов по всем их видам в качестве обязательного документа по аналогии с бухгалтерской отчетностью (в настоящее время такая обязанность установлена в п. 3 ст. 357 ГК РФ только для залогов товаров в обороте), ежеквартально сдавать по специальной форме отчетность в налоговый орган о состоянии и динамике предметов залога, при отчуждении любого имущества предъявлять эту книгу приобретателю имущества;

2) создать систему сплошной регистрации договоров о залоге, исключающую несанкционированный залогодержателями залог одного и того же движимого имущества, а также выступающую в качестве индикатора добросовестности приобретения заложенного имущества. Необходимость создания такой системы вызвана многочисленными случаями неодно-

кратного залога одного и того же имущества. По этой причине может возникнуть проблема установления приоритетности того или иного договора залога. При этом важно соблюсти принцип простоты регистрации залога. Процесс регистрации договоров о залоге должен быть сведен к уведомительному порядку, при котором стороны договора о залоге предоставляют регистрирующему органу некий простой формализованный одностраничный документ, содержащий основные условия договора залога (по аналогии с регистрацией обременения акций у регистратора в виде залогового распоряжения), а орган государственной регистрации вносит запись о залоге в специальный общедоступный реестр в течение одного-двух календарных дней с момента подачи документов. Доказательством регистрации залога может служить получаемая сторонами выписка из реестра. В качестве альтернативы жесткой системе регистрации договоров залога движимого имущества можно ограничиться более мягкой системой, при которой действительность договора залога прямо не связана с обязательной государственной регистрацией, однако залогодержатель, не регистрирующий договор о залоге, действует на свой риск, а зарегистрированные договоры о залоге имеют приоритет над незарегистрированными. Тогда залогодержатель будет иметь выбор, что предпочесть: скорость заключения сделки или надежность ее заключения при относительном понижении скорости;

3) повысить гражданско-правовую ответственность, предусмотреть специальную уголовную ответственность руководителей юридических лиц, совершающих несанкционированные залогодержателями последующие залоги, а также заключающих сделки по отчуждению заложенного имущества без согласия залогодержателей. Установление специальной уголовной ответственности за злостное нарушение залогового законодательства при существующем положении вещей не будет чрезмерным, если учесть, что ущерб интересам кредиторов, например при банкротстве и при нарушении залогового законодательства, бывает вполне сопоставим. Однако за нарушение процедуры банкротства уголовное законодательство предусмотрено, а за нарушение залогового законодательства – нет[1].

В заключение отметим, что более активное использование залога участниками гражданского оборота как инструмента при реструктуризации задолженности будет обусловлено следующими причинами.

Упрощение порядка взыскания на заложенное имущество значительно снижает риски кредитора. В соответствии с новым порядком кредитор может получить удовлетворение своих требований почти так же быстро, как по банковской гарантии, и значительно быстрее, чем, например, по договору поручительства. Кроме того, у залога появляется такое важное свойство, как возможность получить преимущественное удовлетворение требований независимо от финансового состояния должника или лица, предоставившего обеспечение (даже при их банкротстве). В связи с этим полагаем, что кредиторы будут более гибко подходить к изменениям первоначальных условий исполнения обязательств должников, обеспеченных залогом, так как у них появляется уверенность в том, что и в случае банкротства их требования будут удовлетворены, и будут более охотно идти на изменение условий таких обязательств (продление сроков, изменение графиков погашения долга и т. д.).

Залог будет использоваться в качестве основного способа исполнения обеспечения обязательств при новации и изменении первоначальных условий погашения долга. В связи с тем, что рыночная стоимость многих видов заложенного имущества значительно снизилась, полагаем, что кредиторы при изменении первоначальных условий погашения долга будут предъявлять требования о дополнительном обеспечении. Можно предположить, что в качестве такого обеспечения преимущественно перед другими видами обеспечения будет использоваться залог, поскольку удовлетворение требований, обеспеченных им, происходит быстро и, как было уже отмечено, вне зависимости от финансового состояния лица, предоставившего обеспечение (залогодателя). К тому же банковская гарантия, которая обладает такими же преимуществами, будет в ближайшей перспективе оставаться все еще очень доро-

[1] Коневский А. Залог как эффективный инструмент при реструктуризации долга // Корпоративный юрист. – 2009. – № 3. – С. 43.

гим инструментом из-за высоких банковских ставок. Таким образом, можно предсказать, что залог будет выступать основным видом обеспечения исполнения обязательств при таких способах реструктуризации задолженности, как изменение первоначальных условий погашения долга и новация[1].

Обращение взыскания на заложенное имущество будет активно использоваться для погашения долгов. Ранее процедура обращения взыскания была довольно длительной, что не в полной мере соответствовало интересам кредитора. По этой причине стороны зачастую использовали отступное или новацию для передачи в собственность залогодержателя предмета залога во внесудебном порядке. Применение такого способа погашения долга несло в себе риски признания договоров об отступном и новации недействительными по искам залогодателя или заинтересованных лиц. В нынешних условиях, используя такие способы реализации предмета залога, как переход права собственности непосредственно к залогодержателю или продажа третьему лицу, стороны могут избежать подобных рисков и быстро гасить долг или часть долга, не прибегая к «квази» способам обращения взыскания.

Обращение взыскания на заложенные акции или доли может стать заменой конвертации долга в акции или доли. Российское законодательство не допускает такого способа реструктуризации задолженности, как конвертация долга в акции или доли, поскольку акционер или участник не может быть освобожден от обязанности оплаты акций или долей, в том числе путем зачета требований к обществу. В этой ситуации стороны могут использовать залог акций или долей и последующее обращение взыскания на них в качестве альтернативного механизма (например, путем перехода права собственности на акции или доли к залогодержателю). Привлекательность такого способа особенно повышается в связи с введением моратория на направление обязательного предложения о выкупе акций лицом, которое приобрело более 30% акций открытого акционерного общества, о котором рассказано выше.

В итоге складывается убеждение, что залог будет выступать основным способом обеспечения исполнения обязательств и погашения долга при реструктуризации задолженности в нынешних условиях.

[1] Коневский А. Упрощение залога // ЭЖ-Юрист. – 2009. – № 12. – С. 49.

М. Л. Репкин

О ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПОНУЖДЕНИЯ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ УПОЛНОМОЧЕННЫХ НА ТО ЛИЦ

Под принуждением в уголовном процессе понимается устранение сопротивления (действие, бездействие) со стороны участника процесса в рамках уголовно-процессуальной нормы, а под понуждением – заставить лицо принять определенное решение, имеющее значение для уголовного судопроизводства.

Данное определение касается не только лиц, которыми, например, являются свидетели, подозреваемые и т. п., но и лиц, разрешающих вопросы возбуждения уголовных дел (ст. 300 УК РФ). Однако в последнее десятилетие наметилась тенденция к исключению данной категории лиц из числа субъектов уголовного права.

Ведомственные нормативно-правовые акты по своей сути стали выше уголовно-процессуального закона. Так, руководство Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) издало следующий приказ, где, в частности, отмечается следующее:

«Сообщения, заявления и обращения, которые не содержат сведений об обстоятельствах, указывающих на признаки преступления, не подлежат регистрации в книге регистрации сообщений о преступлении и не требуют проверки в порядке, предусмотренном статьями 144–145 УПК РФ.

Поступившие в следственный орган СК России сообщения, заявления, обращения, в которых заявители выражают несогласие с решениями, принятыми судьями, прокурорами, руководителями следственных органов, следователями или иными сотрудниками следственных органов, высказывают предположение о совершении обжалуемыми действиями указанных лиц должностного преступления и ставят в связи с этим вопрос о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, также не подлежат регистрации в книге регистрации сообщений о преступлении и не требуют проверки в порядке, предусмотренном статьями 144–145 УПК РФ.

В случае поступления указанного сообщения, заявления, обращения от гражданина лично дежурному следователю, следователю, руководителю следственного органа в ходе личного приема оно подлежит обязательному принятию под роспись соответствующего должностного лица, при этом талон-уведомление заявителю не выдается.

Такие сообщения, заявления, обращения регистрируются как входящие документы и рассматриваются в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59–ФЗ “О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации” или ст. 124 УПК РФ, а также соответствующими организационно-распорядительными документами СК России. Заявители письменно уведомляются руководителем следственного органа СК России или его заместителем о принятом решении с разъяснением права и порядка его обжалования»[1].

Вот одна из характерных иллюстраций:

«Прошу провести процессуальную проверку в отношении оперуполномоченного ОБЭП ОП № 3 УВД г. Волгограда, старшего лейтенанта полиции Фролова А. Ю. в деянии которого имеются признаки, квалифицируемые по ст. 292 УК РФ.

[1] О порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы следственного комитета Российской Федерации: Приказ Следственного комитета РФ от 3 мая 2011 года № 72 [официально опубликован не был].

В мае 2011 года было подано заявление о предполагаемом факте хищения денежных средств с лицевого счета № 42xxxxxxxxxxxxxxxxx.

4 июня 2011 года получено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за подписью старшего лейтенанта Фролова А. Ю. от 26 мая 2011 года.

Основанием для отказа в возбуждении уголовного дела, в описательно-мотивировочной части постановления был указан факт отсутствия хищения денежных средств.

Согласно ч. 6, 7 ст. 148 УПК РФ незаконный и необоснованный отказ подлежит отмене прокурором и судом.

Незаконным признается постановление, вынесенное с нарушениями процессуального или материального права. В отказе от оперуполномоченного ОБЭП Фролова А. Ю. от 26 мая 2011 года имеются эти основания. В постановлении фигурирует иная фамилия (потерпевшего. – *М. Р.*), то есть ненадлежащий субъект уголовного процесса, так как повод для возбуждения уголовного дела соответственно является поводом для начала уголовного процесса (гл. 19, 20 УПК РФ).

Необоснованным постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела считается отсутствие мотивации принятого решения или если изложенные в постановлении сведения не соответствуют содержанию прилагаемых к нему материалов и т. п.

В основании об отказе вынесенного старшим лейтенантом Фроловым А. Ю. не были проверены и поэтому не указаны прилагаемые к заявлению материалы. Следовательно, отказ является необоснованным.

В то же время в постановлении составленного оперуполномоченного ОБЭП ОП-3 Фроловым А. Ю. имеются признаки служебного подлога.

К ним относятся:

1) « xx.xx.2009 года отец М. умер. В связи с этим вышеуказанные денежные средства *им получены* по истечению 6 месяцев в порядке наследования. Со слов М. данные противоправные действия сотрудников банка N повлекло за собой материальный ущерб». В заявлении говорится: «Я (потерпевший – *М. Р.*) *не получил* эти вышеуказанные денежные средства»;

2) текст, в постановлении начинающийся со слов: «...подразделениями Сбербанка России предоставлено право совершения операций» и до слов «...принята Банком к исполнению как оформленная в нарушении действующего законодательства», является текстом письма за № 11-01-37/4 от 27 января 2010 года от имени управляющего Сбербанка Н. С. Онищук. Однако оперуполномоченный Фролов А. Ю. пишет, что этот факт установлен им в ходе проверки.

Способом совершения служебного подлога является внесение в соответствующий документ полностью или частично заведомо ложных сведений или исправлений искажающих их действительное содержание. Предметом служебного подлога являются официальные документы, которые удостоверяют события или факты, имеющие юридическое значение и влекущие соответствующие последствия, либо предоставляют права, возлагают обязанности или освобождают от них.

По этим же основаниям признаются документы, оформляющие различного рода уголовно-процессуальные действия. Постановление об отказе или о возбуждении уголовного дела удостоверяет также события и факты, которые имеют юридическое значение и влекут юридические последствия[1].

То есть в данном случае действием Фролова А. Ю. были нарушены существенные гражданские права: право на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением[2].

Что же касается мотива – иной личной заинтересованности, – то под ней в частности понимаются такие побуждения, как карьеризм, некомпетентность и т. п.[3]

---

[1] Определение ВС РФ от 30 ноября 2006 года № 47-о06-96 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 11.

[2] Пункт 18 Постановления Пленума от 16 октября 2009 года № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 10.

[3] Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 Постановления от 16 октября 2009 года № 19 указывает, что в случаях когда такое лицо (должностное лицо) в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения, либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно квалифицироваться по ст. 292 УК РФ»[1].

Представитель СК РФ по Волгоградской области направил данное заявление в органы прокуратуры (явное нарушение ст. 146, 148, 151 УПК РФ), которые его просто игнорировали.

Все вышеперечисленные решения и действия явно расходятся с политикой государства и в частности Президента РФ, который заявил: «…Основанием для увольнения (чиновников) могут служить данные, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, даже если они оформлены таким образом, что не могут быть использованы для уголовного преследования»[2].

Важнейшей задачей для государства является совершенствование уголовно-процессуального законодательства, создание надежных правовых гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов личности, подвергаемой мерам принуждения и понуждения. В этой связи претерпевает изменения уголовно-процессуальное законодательство. В УПК РФ за последние 10 лет внесены существенные изменения, которые касаются и института мер уголовно-процессуального принуждения.

Россия, как государство не должна отдавать приоритет борьбе с преступностью в ущерб обеспечению прав личности. В политико-правовых документах последних лет ставится задача именно по усилению, с одной стороны, борьбы с преступностью и коррупцией, а с другой – защита прав и свобод граждан. Вместе с тем состояние законности в государстве оставляет желать лучшего. Президент России Д. А. Медведев неоднократно подчеркивал важность вопросов, связанных с укреплением законности, в частности в сфере уголовного судопроизводства. Меры принуждения являются неотъемлемым элементом деятельности правоохранительных органов и суда. Однако в свете защиты конституционных прав и свобод граждан при осуществлении мер по борьбе с преступностью необходимо понимать, что борьба с преступностью может вестись только законными мерами.

Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию обратил внимание на необходимость гуманизации закона и порядка его применения[3].

Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукин отмечал, что одним из бесспорных признаков развитой демократии является стабильная модель взаимоотношений общества и государства. В рамках такой модели каждый член общества твердо знает свои права и свободы, в том числе и право в одиночку или сообща отстаивать их всеми, не противоречащими закону средствами. В свою очередь, и государство не забывает о правовой и общественно-политической ответственности за неисполнение присущих ему обязанностей[4].

Процесс доказывания обстоятельств совершенного преступления неразрывно связан с применением мер принуждения в отношении участников следственных действий. В настоящее время судебно-следственная практика свидетельствует, что меры принуждения применяются более жестко, чем это требуют интересы государства. В рамках доказательственного права применение мер принуждения трактуется наукой уголовного процесса как задача совершенствования уголовно-процессуального законодательства, чтобы придать большую эффективность принудительным процессуальным мерам, являющимся средством получения доказательственной информации по уголовному делу и вместе с тем неотъемлемым элементом деятельности органов предварительно расследования и суда. При этом вектор на-

---

[1] См.: Книга учета сообщений о преступлениях за 2011 год ОП № 3 ГУ МВД по г. Волгограду (регистрационный № 12780).

[2] Медведев Д. А. Петербургский международный экономический форум (17 июня 2011 года) // Новая газета. – 2011. – 25 июля.

[3] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. – 2011. – 22 декабря.

[4] Российская газета. – 2008. – 14 марта.

учного поиска направлен на расширение и усиление мер принуждения, упуская из виду возможность добровольности предоставления доказательственной информации участником уголовного судопроизводства.

На данный пробел непосредственно указывается в президентском послании Федеральному Собранию, чем актуализируется проблема ограничения и оптимизации мер принуждения в уголовном судопроизводстве. Ограничить и оптимизировать меры процессуального принуждения возможно сокращением сферы принуждения и расширением сферы доброй воли участников доказательственного процесса. Но в этом случае возникает вопрос: не ограничивает ли прямой переход от принуждения к добровольности возможностей органов расследования и суда в борьбе с преступностью. При изучении возможности расширения принципа добровольности предоставления доказательств и сокращения либо смягчения процессуальных мер принуждения выяснилось, что в доказательственном праве существует достаточное множество норм, которые не относятся законодателем к мерам принуждения, но и не могут быть отнесены к сфере принципа добровольности представления доказательственных сведений.

Например, свидетель добросовестно желая сотрудничать со следствием, готов добровольно дать показания по делу, но в силу императивного требования закона он предупреждается под роспись об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний. Очевидно, что такое предупреждение закон не относит к мерам принуждения, но его нельзя рассматривать и как нейтральное, поскольку свидетель получает предупреждение, ограничивающие его свободную гражданскую позицию. Если лицо не желает давать правдивые показания, то это предупреждение действует как понудительная мера к даче достоверных показаний.

В связи с этим представляется обоснованным говорить о существовании и применении в следственной и судебной практике совокупности однородных правовых норм, образующих правовой институт мер понуждения в доказательственном праве российского уголовного процесса. В свете современной государственной задачи ограничения сферы принуждения в российском уголовном судопроизводстве исследование системы и сущности понудительных мер доказывания приобретает особую актуальность.

На актуальность и неисследованность проблемы применения принуждения впервые указал известный процессуалист начала XX века Л. Е. Владимиров. Он писал, что в доказательственное право входит значительная доля принуждения, падающая тяжелым, но неизбежным бременем на общество, и что оно достойно особого внимания законодательно как задача довольно трудная: «необходимо согласить интересы правосудия с возможно большим щажением свободы и спокойствия частных лиц, несущих повинность на пользу юстиции»[1].

Неисследованность правового института понуждения в уголовно-процессуальном доказывании, как теоретической и законодательной основы науки криминалистики, разрабатывающей теорию тактических методов, способов и приемов собирания доказательств привело к тупиковой ситуации в вопросе о понятии тактического приема, выступающего в качестве одного из базовых и центральных понятий в криминалистической тактике[2]. В. Н. Шиканов характеризует эту ситуацию более драматично: «Сложившаяся парадигма, будучи ущербной, предопределила в этом вопросе (отсутствие единого понятия «тактический прием». – *В. Ш.*) невообразимый хаос и неразбериху взглядов»[3].

Теоретический смысл изучения проблемы согласования мер понуждения и тактики производства следственных действий заключается в том, чтобы обеспечить реальную защиту участников процесса доказывания от необоснованного применения тактического приема, сущность которого может проявляться в качестве средства незаконного насилия над личностью и препятствовать достоверному установлению обстоятельств совершенного преступления.

---

[1] Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. – СПб., 1910. – С. 111–112.

[2] Репин А. В. К вопросу о понятии «тактического приема» допроса // Адвокатская практика. – 2007. – № 5. – С. 2–5.

[3] Шиканов В. Н. Тактико-криминалистический кентавр влечет негативные последствия для следственной тактики // Материалы научно-практической конференции (13–17 мая 1998 года). – Иркутск, 1998. – С. 56.

Понуждение – это мера государственного насилия, закамуфлированная благородными целями борьбы с преступностью и раскрытию преступления. Именно в цену естественной исторической замаскированности понуждение скрывается от научного исследования и является одной из тайн теории уголовного процесса. Причем настолько скрытой, что не замечается и практиками, особенно криминалистами. Тактические методы и способы понудительного воздействия на человека постоянно пополняют нормы УПК РФ, расширяя сферу ограничения прав и свобод человека и гражданина, при этом будучи защищены теорией гарантий прав личности, сформированной наукой в советском уголовном процессе и продолжающей свое развитие под флагом российского уголовного процесса. Сама по себе эта теория не ущербна и, безусловно, полезна, но она служит объективным щитом для беззакония и произвола в процессе доказывания по уголовному делу.

Применение принудительных мер в уголовно-процессуальной сфере всегда связано с подавлением воли лица, однако принуждение – необходимый элемент в механизме правового регулирования. Таким образом, уголовно-процессуальное принуждение есть либо психологическое, либо материальное, либо физическое воздействие полномочных органов и должностных лиц государства на личность с целью обеспечения ее (личности) надлежащего поведения. Уголовно-процессуальное понуждение – это один из видов государственного принуждения, и для любого государства оно рассматривается как признак присущий государству и праву.

Понуждение, как и принуждение, в уголовном процессе обладает как общими признаками (императивность, способ реализации правовых норм, идентичность ограничиваемых прав и др.), характерными и для других отраслей права (государственного, административного, гражданско-процессуального, уголовного и др.), «так и специфическими особенностями (способ правового обеспечения, основания, цели, насыщенность, субъекты применения и пр.)»[1].

Объективные закономерности познавательной деятельности субъектов доказывания по уголовному делу позволяют сформулировать вывод, что уголовно-процессуальное доказывание есть основная форма уголовно-процессуального познания, обладающая специфическими чертами и характерными особенностями. Уголовно-процессуальное познание имеет две стороны – эмпирическую (чувственную, непосредственную) и рациональную (логическую, опосредованную).

Целью доказывания в уголовном судопроизводстве является установление обстоятельств уголовного дела в соответствии со ст. 73 УПК РФ. В то же время не исключается возможность достижения объективной истины (в отдельных случаях совпадающей с предметом доказывания), процессуальной (судебной, формальной), либо конвенциальной истины с учетом рассмотрения дела в порядке гл. 40 УПК РФ.

Предмет доказывания, как круг обстоятельств уголовного дела, обозначенный в ст. 73 УПК РФ, познается и удостоверяется с помощью доказательств. Никакие средства, кроме доказательств, не могут являться основой установления обстоятельств уголовного дела.

Понятие доказывания как деятельность, состоящая из собирания, проверки и оценки доказательств, понимается как последовательно протекающая в процессуальной форме логическая (мыслительная) и психическая деятельность субъектов уголовно-процессуального познания на предмет определения относимости, допустимости, достоверности как каждого доказательства в отдельности, так и в их совокупности – достаточности для установления конкретных обстоятельств уголовного дела и разрешения его по существу.

Государственная воля, выраженная в процессуальных обязанностях, должна, безусловно, претворяться в жизнь, независимо от того, содержат обязанности определенные правоограничения или нет. По своему целевому назначению уголовно-процессуальное понуждение призвано содействовать успешному осуществлению стоящих перед уголовно-процессуальной деятельностью задач. Эта общая цель конкретизируется применительно к непосредственным целям отдельных разновидностей принудительных средств уголовно-процессуально-

[1] См.: Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л., 1976. – С. 87–88.

го принуждения. Уголовно-процессуальное принуждение как самостоятельный вид государственного правового принуждения состоит из правовосстановительных мер (меры защиты) и мер уголовно-процессуального принуждения, а уголовно-процессуальное понуждение из мер уголовно-правовой и процессуальной ответственности и мер обеспечения обнаружения, изъятия и исследования доказательств.

В одних случаях их избрание связывают с установлением в процессе доказывания фактических данных, в других – вероятных данных, в третьих – допускают избрание отдельных мер процессуального пресечения путем, например, оперативно-розыскной информации, сообщений прессы и т. п.[1] Анализируя сущность оснований мер принуждения можно сделать вывод, что избранию мер принуждения должны предшествовать предпосылки как уголовно-правовые, так и уголовно-процессуальные. То есть должна быть в наличии совокупность таких обстоятельств, которые допускают и делают необходимым избрание и применение мер принуждения. Таким же образом основания избрания уголовно-процессуальных мер понуждения можно подразделить на материально-правовые и процессуально-правовые.

К материально-правовым основаниям избрания мер понуждения относятся наличие на данном этапе соответствующего участника процесса. К процессуально-правовым основаниям относятся достоверные фактические данные о ненадлежащем поведении лица, поэтому нельзя разрывать материально-правовые и процессуально-правовые основания. В противном случае можно прийти к выводу о возможности применения мер понуждения и к лицам, не имеющим никакого отношения к уголовно-процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальные отношения возникают в связи с уголовными правоотношениями, поскольку они определяют порядок реализации мер воздействия, устанавливаемых за совершение преступления. Следовательно, обязательным предварительным условием использования норм института мер понуждения являются возникшие уголовные правоотношения.

Право использования превентивных мер – мер понуждения – возникает только в связи с обнаружением преступления.

Избрание мер понуждения порождается самыми различными данными, указывающими на возможное существование обстоятельств, требующих установления. Такими могут быть данные о личности, поведении лица до и после совершения преступления, о способе и последствиях совершенного деяния и т. п. при применении этих мер устанавливается определенная совокупность фактических данных, из которых может быть сделан вывод о практически достоверном существовании обстоятельств, требующих предупреждения или установления. Однако надо понимать, что в широком смысле, если мы говорим о будущих событиях, то этот вывод всегда будет вероятным. Вероятностный характер обстоятельств, на предотвращение или установление которых направлено действие мер процессуального, понуждения, позволяет сказать, что в момент принятия решения еще не установлено, имеют ли они место в действительности или нет, однако вероятность их настолько велика, что позволительно сделать вывод об их практической достоверности.

Следовательно, под мерами процессуального понуждения в теоретическом широком смысле понимаются такие принимаемые уполномоченными государственными органами процессуальные решения или действия, которые осуществляют охранительную функцию публичных прав и интересов, путем ограничения части конституционных прав и свобод участников уголовного процесса и понуждения их независимо от субъективного волеизъявления к выполнению своих конституционных обязанностей на всех стадиях уголовного процесса.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что меры понуждения должны применяться также и на стадии возбуждения уголовного дела к лицам, ответственным за проведение данной стадии уголовного процесса.

---

[1] Исаев Д. Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Уфа, 2009. – С. 9.

И. Н. Шерер

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ МОЛОДЕЖНОГО РЫНКА ТРУДА В РОССИИ

Правовое регулирование, связанное с проблемами молодежи, до активизации нормативно-правовой деятельности Комитета по делам молодежи характеризовалось принятием документов, направленных на решение проблем тех или иных наиболее незащищенных категорий молодежи или категорий населения, в которые без особого выделения входили и молодые жители округа (инвалиды, дети, оставшиеся без попечения родителей, семьи с низкими доходами и т. д.). В количественном отношении документы, отстаивающие и реализующие принципы прямых мер социальной защиты, как правило, в виде единовременных пособий и компенсаций, преобладали. Несмотря на существование на тот период ряда общественных объединений молодежи в стране, активное участие самой молодежи в программах ее временной и постоянной занятости, развитую клубную работу, молодежь до определенного момента не имела достаточного правового обеспечения своего статуса в качестве субъекта государственной молодежной политики, как не имели ее и органы по делам молодежи.

Однако формирование сильной политики, достижение устойчивого управления требуют четкого правового регулирования сферы приложения, в первую очередь посредством законодательных актов, определяющих рамки деятельности, регулирующих взаимодействия, связь событий и процессов, распорядительных и исполнительных актов. Их принятие – и залог эффективного функционирования системы государственного управления субъекта Регионального комитета. Важнейшими документами с этой точки зрения являются законодательные акты, касающиеся реализации местной государственной молодежной политики.

Целью таких законов является установление правовых основ государственной молодежной политики в автономном округе. Это означает, что общие положения государственной молодежной политики в данном законе преобразуются в систему правомерной деятельности окружных органов государственной власти, органов местного самоуправления. Закон, таким образом, решает задачи в области социального управления.

Из ряда самых больных проблем округа – занятость молодежи и ее укоренение (в том числе связанное с ее жилищным обеспечением, а также поддержкой семьи). Необходима правовая регламентация и других сфер (досуговая работа, работа по месту жительства, летний отдых, деятельность детских и молодежных организаций, социально-психологическая реабилитация детей и т. д.), не обязательно посредством законов, как это необходимо для стратегических, сложных направлений. Важными элементами правового регулирования должны стать и постановления Губернатора и ведомственные акты.

Отдельных регулирующих актов требуют и некоторые формы и механизмы организационного обеспечения государственной молодежной политики: кадрового (например аттестация), финансового (формирование фондов, конкурсная система финансирования, финансирование инновационных, в том числе венчурных проектов, возможности самофинансирования и т. д.), информационно-аналитического, научно-методического и других его видов. На сегодняшний день Комитет продолжает интенсивную законотворческую работу.

Необходимость формирования современной законодательной базы в области государственной молодежной политики определяется сохранением, а нередко и нарастанием целого ряда социальных проблем молодежи, что негативно отражается на социально-экономическом и культурно-духовном аспектах ее жизнедеятельности и перспективах ее развития. Предпринимаемые меры по повышению образовательного уровня молодежи, ее трудоустройству,

решению жилищной проблемы, развитию разносторонних способностей молодых людей недостаточно эффективны в силу слабой координации этих мер, их частичного характера и недостаточной правовой обеспеченности.

К сожалению, анализ молодежного рынка труда затруднен ввиду отсутствия соответствующих данных официальной статистики. С 1996 года из статистических документов Федеральной службы занятости стали исчезать многие данные о занятости молодежи: показатели региональных уровней молодежной безработицы, данные о доходах, занятости молодежи. Не дается больше и разбивка данных о молодежи в соответствии с принадлежностью к той или иной возрастной группе внутри нее. Представляется, что масштабы изменений в макроэкономических показателях России пока что не таковы, чтобы всерьез изменить социальное положение отдельных возрастных групп, а значит, приблизительная экстраполяция данных середины 90-х годов на современный момент оправдана, и анализ материала этого периода по-прежнему актуален.

Выбор вида обучения (бюджетного или контрактного) фактически должен стать проблемой самого студента. Работодатели, равно как и государство, могут принимать участие в финансировании обучения при условии заключения специальных двухсторонних договоров, обеспечивающих обеим сторонам гарантию оптимального трудоустройства.

Поскольку количество выпускников школ неуклонно снижается (к 2009 году оно может сократиться по сравнению с 2002 годом почти вдвое), в стране будет ощущаться острая нехватка квалифицированных кадров. Именно поэтому уже сегодня надо позаботиться о том, чтобы потребность рынка труда в профессиональных кадрах и номенклатура профессий, по которым выпускаются специалисты, были максимально сбалансированы. Профессиональное образование должно стать приоритетом государственной политики, направленной на повышение качества рабочей силы. Без этого реальный экономический прорыв невозможен[1].

Молодых людей, впервые приходящих на рынок труда и не имеющих профессии или достаточного уровня профессиональных навыков, во всех странах мира принято относить к социально уязвимой группе населения. В то же время, учитывая, что молодежь есть величайший стратегический и инновационный ресурс страны, необходимо признать сферу ее занятости приоритетной частью социально-экономической политики государства. А это значит, что подготовка высококвалифицированных кадров, адаптированных к условиям рыночной экономики и владеющих новейшими технологиями, является задачей стратегической важности, от решения которой в немалой степени зависят темпы роста экономики, ее конкурентоспособность, будущее России.

Серьезной проблемой молодежной занятости является несоответствие объемов и профилей подготовки специалистов потребностям рынка труда, что создает предпосылки роста безработицы среди выпускников учреждений профессионального образования. Это приводит к тому, что наиболее активная и образованная часть молодежи, оканчивая учебное заведение, вынуждена получать статус безработного. Сегодня среди безработных, зарегистрированных в органах занятости, каждый третий – с высшим и средним профессиональным образованием.

Безработица представляет собой макроэкономическую проблему, оказывающую наиболее прямое и сильное воздействие на каждого человека. В современных условиях экономического хаоса потеря работы для большинства людей означает снижение жизненного уровня, часто вплоть до полной нищеты, и наносит серьезную психологическую травму. Поэтому неудивительно, что проблема безработицы часто является предметом многочисленных дискуссий и исследований[2].

Незанятая молодежь представляет собой один из четко определенных устойчивых сегментов рынка труда, характеризующийся стабильным ростом предложения рабочей силы. Молодежный рынок труда формируется молодыми людьми, нуждающимися в трудоустройстве. Это незанятые выпускники вузов, средних технических и средних специальных, общеобразовательных учебных заведений. Рынок труда пополняется и за счет демобилизованных

---

[1] Бабушкина Т. Молодежь на рынках труда и образовательных услуг // Человек и труд. – 2004. – № 6.

[2] Крылова Н. Молодежь и безработица // URL: http://www.businesspress.ru

воинов срочной службы. В последнее время существенен для регионов Российской Федерации приток молодежи за счет мигрантов. Разумеется, не все выпускники учебных заведений ищут работу и попадают на рынок труда. Часть из них планирует продолжить образование, другие не трудоустраиваются по иным причинам[1].

Проблема адаптации на рынке труда выпускников вузов, являющихся рядовыми запаса российской армии. Проблема «вуз – армия – рынок» состоит в том, что молодые люди, получившие специальность в вузе, при прохождении военной службы теряют квалификацию и, возможно, уже имевшееся место работы. После возвращения со службы эти граждане зачастую в силу различных причин не имеют возможности возобновить свою квалификацию. В результате рынок труда теряет квалифицированных специалистов, а граждане, отслужившие в армии, – возможность получить достойную работу. Частично это связано с тем, что в данной ситуации, оказывается, практически невозможно получить статус безработного и встать на учет на бирже труда. В качестве возможных путей решения было предложено разработать на муниципальном уровне через департамент занятости населения специальную программу по адаптации на рынке труда выпускников вузов, являющихся рядовыми запаса российской армии. К реализации данной программы могли бы подключиться общественные организации города. Одним из шагов реализации подобной программы может стать создание при общественных организациях консультативных центров по вопросам трудоустройства для рядовых запаса российской армии[2]. Молодые люди зачастую не имеют активной позиции в поиске работы, а соответственно не используют многие из существующих возможностей нахождения работы. В немалой степени это связано с нежеланием попадать в некомфортные и жесткие ситуации рынка труда.

Для решения этой проблемы предложено, прежде всего, раннее привлечение подростков к труду.

Другим важным моментом является необходимость наличия у выпускников вузов высокого уровня самоорганизации с тем, чтобы в поиске работы иметь возможность соответственно встречать и преодолевать трудности, связанные с некомфортностью предлагаемого труда.

Кроме того, для российского общества актуальной является работа по включению в общественном сознании механизма активного поиска работы. Эта работа состоит, прежде всего, в информировании молодежи о принципах и технологиях поиска.

Необходимо проводить специальные курсы для родителей с тем, чтобы способствовать включению данного механизма на уровне семьи.

В настоящее время население крайне неудовлетворительно информировано о возможностях поиска работы. При этом играют роль как уже упоминавшаяся пассивная позиция в поиске работы, так и определенного рода предрассудки, неверная интерпретация ищущими работу гражданами своего положения как неудачника и просителя. Кроме того, оказалось, что информационных каналов о спросе на рынке труда явно недостаточно.

Но, несмотря на проблемы, молодежь является самой трудоспособной частью экономически активного населения. Для молодежи характерна готовность на рискованные эксперименты, наивысший уровень физического здоровья и значительные запасы энергии, эмоциональная насыщенность их жизни в совокупности с борьбой за экономическую самостоятельность, преуспевание, социальное признание и самореализацию. Поэтому при должном внимании со стороны руководства и благожелательном наставничестве старших коллег неопытность молодых специалистов может уступить место профессиональной зрелости и сделать их конкурентоспособными[3].

---

[1] Селиванова О. Занятость молодежи – стратегическая проблема // Человек и труд. – 2003. – № 3.

[2] Аверьянов Ю., Калашникова И. Регулирование занятости с точки зрения теории // Человек и труд. – 2005. – № 5.

[3] Курапова О. А. Проблемы социальной адаптации молодежи к современным условиям рынка труда // URL: http:/www.SCTavolsu.ru

На протяжении большей части переходного периода российский рынок труда регулировался законодательством, унаследованным от советских времен. Вплоть до конца 2001 года в стране действовал Кодекс законов о труде (КЗоТ), принятый еще в 1971 году. Таким образом, на наиболее тяжелом начальном этапе реформирования российской экономики сохранялось законодательство, соответствовавшее особенностям планового хозяйства.

Резюмируя сказанное, можно констатировать, что российский рынок труда характеризовался относительно небольшими потерями в занятости, гибкостью рабочего времени и сверхгибкостью зарплаты, повсеместным распространением «атипичных» трудовых отношений, наконец, высокой формальной зарегулированностью и низкой эффективностью механизмов инфорсмента. В результате он оказался хорошо приспособленным к тому, чтобы амортизировать многочисленные негативные шоки, сопровождающие процесс системной трансформации.

Начало XXI века ознаменовался фундаментальными преобразованиями, происходящими в жизнедеятельности человечества и, в частности, в экономике. Мировое сообщество вступило в стадию постиндустриального развития. Эта радикальная трансформация обусловлена существенным повышением значения инноваций, новых знаний и информации. Интеллектуализация экономической среды, инновационное предпринимательство, овладение информационными потоками выступили в качестве основы существования высокоэффективной и конкурентоспособной рыночной экономики. Вследствие этого процесса в мировом хозяйстве резко возросла доля сферы услуг. Информацию и знания как ее упорядоченную форму сегодня производят, используют и реализуют как любой другой продукт, в результате чего формируется единая мировая информационно-коммуникативная система.

Вместе с тем процесс глобализации экономики обуславливает формирование единых рынков: финансовых, трудовых, торговых и т. д., что приводит к ужесточению конкуренции не только по цене, но и по качеству товаров и услуг, инновациям, скорости реакции. Процесс глобализации порождает рост мобильности персонала, ослабление устойчивости отношений занятости, способствующее повышению гибкости и множественности трудовых отношений. Переход к постиндустриальному обществу затронул все стороны трудовой деятельности. Развитие электроники и информационных технологий коренным образом изменило содержание труда в ряде производств, превратив его в творческий и познавательный. В некоторых сферах производства произошел переход от труда, направленного на объект, к труду, направленному на систему и включающему в себя существенную экономическую и управленческую компоненту. Живой труд как главная производительная сила уходит на второй план.

Постепенно формируются новые общие квалификационные требования, которые предъявляются прежде всего к современным профессиям, имеющим дело с наукоемкими и информационными технологиями: способность к абстрактному и системному мышлению, умение оперировать информацией и знаниями, аналитически и логически мыслить, быстро реагировать на изменения.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ

В. В. Лосев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ ЗАКОНА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ «ОБ УЧАСТИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ»

В России в настоящее время активно идет обсуждение возможностей сотрудничества государства и частного предпринимательства в сферах, в которых государство традиционно являлось монополистом (энергетика, транспортная инфраструктура, коммунальное хозяйство, образование и т. д.). Перспективным способом такого сотрудничества является хорошо зарекомендовавшее себя в зарубежных странах государственно-частное партнерство. Данный инструмент позволяет привлечь частные инвестиции в капиталоемкие проекты, имеющие важное общественное и государственное значение, а также использовать опыт частных предпринимателей для более эффективного управления публичным имуществом и повышения качества предоставления публичных услуг.

В то же время отсутствие специального федерального закона в Российской Федерации препятствует развитию частно-государственного партнерства. Поэтому несовершенство, а если быть точнее – практически полное отсутствие федерального законодательства в сфере частно-государственного партнерства вынуждает субъекты федерации принимать свои региональные законы о государственно-частном партнерстве (далее – ГЧП).

Экспертным советом по законодательству о ГЧП Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по экономической политике и предпринимательству был одобрен проект модельного регионального закона «Об участии субъекта Российской Федерации, муниципального образования в проектах государственно-частного партнерства». В ряде субъектов Российской Федерации приняты свои законы о ГЧП на основе модельного закона, в некоторых – независимо от него.

Так, в вышеуказанном модельном законе не предусмотрены конкретные схемы частно-государственного партнерства, а лишь названы варианты финансового и имущественного участия публичного субъекта в отношениях, связанных с частно-государственным

партнерством. Среди сфер, в которых применимы механизмы частно-государственного партнерства, названы транспорт, системы жилищно-коммунального хозяйства, энергоснабжение и распределение энергии, государственное и муниципальное управление, правопорядок и безопасность, связь, использование природных ресурсов, здравоохранение, воспитание, культура, спорт, образование, туризм, рекреация и иные сферы. Что касается распределения рисков в отношениях о частно-государственном партнерстве, что условие об этом является существенным условием соглашения о частно-государственном партнерстве. Модельный закон предусматривает конкретные варианты выплат из бюджета в пользу частного партнера.

Анализ региональных правовых актов свидетельствует о том, что наиболее характерными недостатками региональных законов являются:

– смешение ГЧП с другими видами отношений;

– отсутствие конкретных схем реализации ГЧП;

– отсутствие вариантов распределения рисков.

Рассмотрим названные недостатки подробнее применительно к Волгоградской области.

29 ноября 2011 года был принят Закон Волгоградской области «Об участии Волгоградской области в государственно-частном партнерстве». Указанный Закон определяет принципы, формы и порядок участия Волгоградской области в государственно-частном партнерстве, целью которого является привлечение частных инвестиций для решения вопросов, отнесенных к полномочиям органов государственной власти Волгоградской области, в том числе повышения качества государственных услуг, эффективности использования государственного имущества, находящегося в собственности Волгоградской области.

Смешение частно-государственного партнерства с другими видами отношений обычно состоит в причислении к указанному институту таких форм взаимодействия публичных и частных субъектов, как создание особых экономических зон и участие в уставном (складочном) капитале юридических лиц, инвестиционная деятельность, поставка товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд.

Следует отметить, что инвестиционная деятельность имеет достаточно сходств с ГЧП. Так, ГЧП, безусловно, можно считать особой формой соединения и реализации публичных и частных инвестиций.

Исходя из положений закона Волгоградской области, следует, что ГЧП – взаимовыгодное сотрудничество Волгоградской области и субъектов частного предпринимательства, осуществляемое в соответствии с соглашениями о государственно-частном партнерстве и предполагающее разделение ответственности и рисков между сторонами. Из указанного определения среди признаков ГЧП можно выделить:

– взаимовыгодное сотрудничество сторон ГЧП;

– договорная основа взаимоотношений сторон ГЧП;

– разделение ответственности и рисков между сторонами ГЧП.

При этом, например, поставка для государственных нужд не обладает необходимым набором указанных принципов. Федеральный закон от 21 июля 2005 года № 94–ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» не дает оснований предположить, что отношения сторон выходят за рамки обыкновенного исполнения обязательств, возникших из соответствующего поименованного договора. Отсутствует при исполнении контракта и специальное распределение рисков. Отличный от ГЧП характер отношений при государственном контракте проявляется и в том, что само заключение подобного контракта может быть формой исполнения соглашения о ГЧП. Например, если публичный партнер принял на себя риск недостижения частным партнером нужного объема сбыта, одним из вариантов компенсации может быть размещение публичным партнером у контрагента заказа на поставку товаров, работ и услуг для публичных нужд, что обеспечило бы зафиксированные в соглашении о ГЧП показатели.

Отсутствие конкретных схем реализации ГЧП связано с ошибками в понимании правовой природы ГЧП и игнорированием иностранного опыта.

Федеральный законодатель, приняв Федеральный закон Российской Федерации «О концессионных соглашениях», оставил все остальные варианты ГЧП на усмотрение региональных властей. В Волгоградской области, как и во многих других региональных актах (законы Калининградской области, Челябинской области, Удмуртской республики, Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Алтай, Республики Калмыкия) конкретные схемы ГЧП не предусмотрены, а лишь названы варианты финансового и имущественного участия публичного субъекта, а также концессионные соглашения и иные формы в соответствии с законодательством. Предусмотрено также, что отношения в рамках ГЧП регулируются соглашением, заключаемым с победителем конкурса, и все. Фактически при таком подходе конкурсная документация содержит лишь минимальный и иногда формальный набор требований, не исчерпывающий содержания ГЧП в каждом конкретном случае. Так, пункт 3 ст. 12 Закона Волгоградской области «Об участии Волгоградской области в государственно-частном партнерстве» устанавливает, что конкурсная документация должна содержать:

1) технико-экономические показатели объекта соглашения о ГЧП;

2) сроки создания, реконструкции, модернизации, эксплуатации объекта соглашения о ГЧП;

3) гарантии качества объекта соглашения о ГЧП, предоставляемые субъектом частного предпринимательства;

4) формы участия Волгоградской области;

5) объем средств субъекта частного предпринимательства, подлежащий привлечению для исполнения соглашения о ГЧП;

6) обеспечение исполнения субъектом частного предпринимательства своих обязательств по соглашению о ГЧП;

7) ответственность и риски, принимаемые на себя сторонами соглашения о ГЧП.

С одной стороны, нормативный акт и конкурсная документация не могут содержать всех условий ГЧП, с другой, отсутствие подробного регулирования и подробного описания содержания будущего соглашения о ГЧП в материалах конкурса повышает вероятность возникновения разночтений и конфликтов, увеличивает риск незаключения соглашения, с одной стороны, а с другой – увеличивает возможность как для выдвижения необоснованных требований со стороны частного субъекта, так и злоупотребления полномочиями со стороны публичного субъекта (что является коррупциогенным фактором).

Поэтому более эффективным было бы установить в Законе Волгоградской области «Об участии Волгоградской области в государственно-частном партнерстве» положения о формах ГЧП, которые получили наибольшее распространение в международной практике, такие как:

– строительство – передача – эксплуатация объекта (build – transfer – operate, BTO);

– строительство – владение – эксплуатация объекта (build – own – operate, BOO);

– эксплуатация и техническое обслуживание объекта (operation and maintenance);

– строительство – владение – эксплуатация – передача объекта (buidown – operate – transfer, BOOT),

– строительство – владение – сдача в аренду (аренду с правом выкупа) объекта (build – own – lease (transfer), BOL / BOLT).

В то же время безусловным положительным моментом Закона Волгоградской области является закрепление открытого перечня конкретных форм финансового участия Волгоградской области в проекте ГЧП. Такими формами в соответствии со ст. 8 являются предоставление субъекту частного предпринимательства:

– бюджетных инвестиций; налоговых льгот и пониженных налоговых ставок в порядке, установленном законодательством Российской Федерации и законодательством Волгоградской области о налогах и сборах;

– инвестиционного налогового кредита в порядке, установленном Налоговым кодексом Российской Федерации;

– льгот при аренде объектов недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности Волгоградской области;

– государственных гарантий Волгоградской области, предоставляемых на конкурсной основе;

– государственных преференций и т. д.

Что касается следующего недостатка, то отсутствие вариантов распределения рисков, равно как и критериев возникновения необходимости их компенсации и требований к процедуре признания наступления «рисковых» случаев, также увеличивает усмотрение сторон и способно порождать конфликты, затягивать переговорный процесс и откладывать начало осуществления ГЧП, повышая риски неудачи в связи с изменением ситуации.

Распределение рисков между публичным и частным партнерами означает, что ГЧП, по существу, не может быть отнесено в чистом виде к предпринимательской деятельности. Это существенное отличие ГЧП от иных форм взаимодействия государства и бизнеса.

В обычных хозяйственных отношениях риски одной стороны, как правило, уравновешиваются путем заблаговременного обеспечения возможности потребовать какое-либо возмещение от второй стороны в случае, если она не исполнила своих обязательств. Формой этой предосторожности являются в том числе способы обеспечения исполнения обязательств должника (залог, неустойка и т. п.). За редким исключением риски, связанные с событиями или действиями третьих лиц, не учитываются законодательством как-то особо и возлагаются на одну из сторон. Например, риск гибели вещи лежит на собственнике, хотя договором можно возложить риск на контрагента (арендатора), либо возлагается на подрядчика до сдачи работ. Риски, связанные с событиями или действиями иных лиц, не участвующих в обеспечиваемом обязательстве, всецело падают на лицо, которое от них зависит. Например, пункт 3 ст. 401 Гражданского кодекса РФ возлагает на должника риски нарушения обязанностей со стороны контрагентов должника, отсутствия на рынке нужных для исполнения товаров, отсутствия у должника необходимых денежных средств.

При ГЧП происходит перераспределение и других рисков, не охватываемых обеспечением исполнения обязательств. Например, ст. 8 Закона Санкт-Петербурга о ГЧП предусматривает возможность выплат Санкт-Петербургом частному партнеру компенсаций, связанных с обеспечением минимального дохода от деятельности партнера по эксплуатации объекта соглашения. Данная мера фактически частично перекладывает предпринимательский риск рентабельности на публичного субъекта. Здесь обеспечивается не обязательство одной из сторон или третьего лица, а недостаточный оборот, потребительская активность и т. п.

Аналогичные нормы есть в признанном наиболее развитым мировом законодательстве о ГЧП – в английских стандартизированных контрактах по частному проектному финансированию (Standardisation of PFI Contracts, version 4) также содержатся условия по компенсации частному инвестору потерь, связанных с различными обстоятельствами, выходящими за пределы обычных обязательств сторон. Например, это могут быть потери, связанные с изменением законодательства.

Перераспределение рисков в ГЧП зависит от вида проекта и, как правило, касается рисков, связанных с эксплуатацией объекта ГЧП и недостижением каких-либо параметров такой эксплуатации (объема сбыта, трафика и т. п.). В связи с этим необходима типология рисков, которые целесообразно разделить на возлагаемые на публичного субъекта, разделяемые и возлагаемые на частного субъекта.

Распределение рисков означает распределение негативных последствий наступления тех или иных событий (возложение обязанности выплатить компенсацию каких-либо потерь или, напротив, устранение такой обязанности).

Очевидно, что распределение рисков должно соответствовать компетенции участника ГЧП. Полагаем, что законодательные, политические риски и риски, связанные с

общественным мнением по поводу проекта (например реакцией жителей близлежащих или расселяемых домов), должны возлагаться на публичного субъекта, а риски, связанные с возможными недостатками и ошибками при проектировании, строительстве, технической эксплуатации объекта ГЧП, риски нарушения обязательств по отношению к третьим лицам или привлечения к ответственности перед третьими лицами – на частного субъекта. Прочие риски (риски неполучения минимально допустимого дохода от эксплуатации объекта, риски недостижения заданных показателей, таких как качество каких-либо услуг и т. п., финансовые риски, риски неверного определения концепции и др., если они не сводятся к риску одного из участников), как нам представляется, должны быть общими.

Следует также отметить, что в международной практике осуществления ГЧП одной из наиболее важных гарантий защиты прав частных партнеров является защита от неблагоприятных изменений законодательства. Учитывая долгосрочный характер проектов ГЧП, непредвиденные изменения в законодательстве могут привести к возникновению у частного партнера дополнительных расходов при выполнении своих обязательств по проекту. В некоторых случаях выполнение проекта частным партнером может стать невозможным в связи с финансовыми трудностями или фактической невозможностью исполнения обязательств. Поэтому в дальнейшем Закон Волгоградской области «Об участии Волгоградской области в государственно-частном партнерстве» положения необходимо дополнить нормами о праве частного партнера на изменение условий соглашения или получение компенсационных выплат в случае принятия Волгоградской областью нормативного правового акта, ухудшающего положение частного партнера.

Исходя из вышесказанного следует отметить, что правовое регулирование ГЧП в настоящее время почти полностью отдано на регулирование региональным властям. Это представляется одним из факторов, тормозящих развитие ГЧП, поскольку многие акты неэффективны и существуют лишь формально, без практической реализации их положений.

Это приводит к необходимости принять федеральное законодательство в области ГЧП, которое могло бы послужить основой для региональных законов, а также устранить ряд правовых коллизий (проблемы, связанные с предоставлением земельных участков, выкупом и продажей имущества и т. п.). Следует в общем виде установить перечень схем ГЧП и набор существенных условий соглашения о ГЧП в зависимости от применяемой схемы, основы распределения рисков.

Даже та форма реализации отношений по ГЧП, которая закреплена Законом о концессиях, требует доработки, поскольку федеральный законодатель не предусмотрел вариантов и механизмов перераспределения рисков между сторонами.

Интересно также отметить, что с 2005 года федеральный законодатель не проявил значительного интереса к этой сфере. Поэтому значительно более перспективным направлением в развитии механизмов ГЧП представляется путь совершенствования регионального законодательства на основе ряда выявленных недостатков.

А. М. Марков, Н. И. Ныркова

САМОУБИЙСТВО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Одной из основных задач действующего уголовного законодательства, в соответствии со ст. 2 УК РФ, является охрана прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на жизнь, закрепленного ч. 1 ст. 20 Конституции РФ. Поэтому не случаен тот факт, что Особенная часть Уголовного кодекса РФ, устанавливающая ответственность за конкретные виды преступных деяний, начинается именно с раздела, посвященного преступлениям против личности.

Среди прочих насильственных преступлений против жизни и здоровья, по нашему мнению, заслуживает особого внимания состав преступного деяния, именуемый как доведение до самоубийства, который и предлагается рассмотреть более подробно.

Вообще, под самоубийством понимается добровольное, намеренное совершение человеком деяния, направленного на лишение себя жизни и достаточного для наступления смерти[1], который может выражаться как в определенных действиях, так и в бездействии (прямой добровольный отказ о реальной возможности избежать смерти). Под суицидом же, согласно определению Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) понимается «акт самоубийства с фатальным исходом…»[2] Для целей настоящей работы понятия «самоубийство» и «суицид» предлагается понимать в качестве синонимов.

В 2009 году, в соответствии с данными Федеральной службы государственной статистики, в России окончили жизнь самоубийством 31071 чел.[3], при этом на 100 тыс. населения приходилось в среднем 26,5 самоубийств. В целом Россия занимает третье место в мире по числу лиц, добровольно наложивших на себя руки. В Волгоградской области, по данным регионального СУ СКР, за шесть месяцев 2011 года произошло 271 самоубийство и 129 попыток суицида, причем в 185 случаях лицам, решившим свести счеты с жизнью, не исполнилось и 35 лет[4]. Таким образом, актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнений.

В истории человечества самоубийство оценивалось по-разному: от резкого осуждения до признания достойным способом ухода из жизни. Отношение к этому акту находилось в зависимости от философских, религиозных, правовых и научных воззрений общества.

В России в исторической ретроспективе отношение к самоубийству также не было однозначным. Например, у древних славян ритуальное самосожжение вдовы на погребальном костре мужа считалось нормой; с принятием христианства отношение к самоубийству поменялось в корне, поскольку Православная Церковь считала и считает самоубийство одним из тягчайших грехов. Если же рассматривать данное явление в правовом аспекте, то до 1903 года самоубийство в России являлось еще и уголовно наказуемым деянием, за которое

---

[1] Самоубийство в законе и в жизни // URL: http://home.ural.ru/~ann/suicid1.htm

[2] Ефремов В. С. Основы суицидологии. – СПб.: Диалект, 2004. – С. 18.

[3] Демографический ежегодник России. 2010: статистический сборник / Росстат. – М., 2010. – С. 225.

[4] Ведется ли статистика для самоубийств? // Аргументы и факты: Нижнее Поволжье. – 2011. – 14 сентября.

следовало запрещение погребения по христианской традиции и общественное порицание самоубийцы.

О рассматриваемом же в данной работе составе впервые упоминается в уголовном кодексе РСФСР 1926 года, согласно абзацу 1 ст. 141 которого уголовная ответственность наступала за доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него.

Ныне действующий уголовный закон (ст. 110 УК РФ) определяет данное деяние как доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, предусматривая наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет или лишения свободы на срок до пяти лет. Таким образом, законодатель отнес данный состав к категории преступлений средней тяжести.

Исходя из диспозиции рассматриваемой статьи, потерпевшим в данном преступлении может являться любое физическое лицо. С объективной стороны данное преступление характеризуется возможными вариантами поведения виновного, заключающимися в угрозах, жестоком обращении, систематическом унижении человеческого достоинства потерпевшего. Данный перечень, указанный в законе, является исчерпывающим. Однако здесь возникает ряд затруднений в интерпретации конкретной нормы статьи.

Ряд ученых указывают на необходимость восприятия потерпевшим определенных действий, высказываний в свой адрес именно в качестве реальных угроз, создающих непосредственную опасность его правам и законным интересам. При этом, например, угрозы увольнения работника в связи с профессиональной непригодностью или сообщения органам власти о противоправном поведении, которые впоследствии привели к самоубийству адресата угроз, предполагаются не влекущими наказания по рассматриваемой статье, поскольку не носят противоправный характер[1]. Однако потерпевшим может оказаться лицо с легко ранимой психикой, болезненно воспринимающее неприятные и нежелательные для него жизненные ситуации, либо не вполне адекватно расценивающее поступки и высказывания других людей в его адрес и способное рассматривать как реальную угрозу абсолютно нейтральное поведение иных лиц, что также вполне может способствовать совершению самоубийства в отсутствие при этом какого бы то ни было преступного умысла у лица, эти действия совершившего.

Понятие «жестокое обращение» – во многом оценочное – также не находит конкретного описания в Уголовном законе, что во многом позволяет интерпретировать его с субъективной точки зрения и рассматривать не только в форме действия (причинение физических страданий путем нанесения побоев, истязания), но и в форме бездействия (уклонение от оказания помощи престарелым родителям, нуждающимся в ней). Таким образом, данное понятие позволяет применять расширительное толкование нормы статьи, что видится недопустимым.

Под систематическим унижением человеческого достоинства понимается ряд тождественных действий (не менее трех раз в течение фактического года), которые могут проявляться в оскорблениях, особенно с использованием сведений о каких-то физических недостатках потерпевшего, а также травле, клевете[2]. Однако возможны случаи, когда, с учетом характера, менталитета, национальных и культурных особенностей личности, от-

---

[1] Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Чучаева. – М.: Инфра-М, 2009.

[2] Самоубийство в законе и в жизни.

дельные обстоятельства при определенной обстановке также могут восприниматься потерпевшим в качестве унижения его достоинства. Помимо этого, представляется нерешенным вопрос о квалификации деяния и наказании виновного лица в случае однократного, но длящегося акта унижения достоинства личности (например, размещения порочащей или унижающей информации в социальных сетях Интернета), который привел к самоубийству потерпевшего.

Таким образом, перечень поводов доведения до самоубийства, перечисленных в УК РФ, не охватывает всего многообразия возможных случаев, а круг обстоятельств, способных спровоцировать лицо к совершению акта суицида, на практике может быть гораздо шире (например, подтолкнуть к самоубийству может единичный факт уничтожения или повреждения коллекции, собиранию которой лицо посвятило всю свою жизнь, либо иного имущества). Данная ситуация представляется недостатком законодательной техники, который на практике может приводить к существенным затруднениям у правоприменителя.

При этом обязательным признаком объективной стороны данного преступления является причинная связь между деянием виновного и смертью потерпевшего. И здесь, по нашему мнению, также существует ряд спорных моментов. Во-первых, это касается субъективного восприятия потерпевшим той психотравмирующей ситуации, в которой он оказывается под влиянием действий (бездействия) виновного лица. Потерпевший, находясь в стрессовом состоянии, воспринимает сложившуюся ситуацию как тупиковую, не видя иных способов ее разрешения, кроме как посредством суицида[1]. И именно наличие прямого умысла у потерпевшего на прекращение жизни отличает данную ситуацию от остальных (например, от наступления смерти в результате собственных неосторожных действий). С точки зрения медицинской науки, самоубийство в данном случае рассматривается в качестве намеренного (осознанного) лишения себя жизни, а суицидальная попытка (покушение на самоубийство) – как целенаправленное оперирование средствами лишения себя жизни, не закончившееся смертью. Таким образом, из понятия суицида исключаются те случаи, где опасные для жизни действия не связаны с осознанными представлениями о собственной смерти[2].

Во-вторых, до сих пор спорным является вопрос о субъективной стороне анализируемого преступления. Одни допускают возможность его совершения только по неосторожности, другие – с косвенным умыслом, третьи – как с прямым, так и с косвенным умыслом.

На основании изложенного, с учетом указанных недостатков законодательства, мы считаем, что состав преступления, предусмотренный ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства») подлежит исключению из уголовного закона, а лица, по вине которых совершено самоубийство, подлежат наказанию по ст. 105 УК РФ («Убийство»), либо же за деяния, которые прямо способствовали совершению самоубийства (например по ст. 117 УК РФ – «Истязание»). В защиту данной позиции считаем нужными привести следующие доводы.

Во-первых, как указывает профессор Р. З. Авакян, с мнением которого мы полностью согласны, потерпевший по данному преступлению принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение, руководимый сознанием и волей[3]. Однако, как справедливо указывает Ю. А. Уколова, не следует исключать ситуацию, при которой потерпевший поставлен виновным лицом в такие условия, что даже при наличии сознания его воля настолько ограничена, что возможность принятия иного решения, кроме самоубийства, просто

---

[1] Ефремов В. С. Основы суицидологии. – СПб.: Диалект, 2004. – С. 149.

[2] Чабан С. И. Определение понятий и классификация военнослужащих, совершивших попытки суицида // Гражданин и право. – 2006. – № 8.

[3] Авакян Р. З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние. – Ереван, 1971. – С. 71–76.

отсутствует[1]. В данной ситуации, по нашему мнению, действия виновного лица следует квалифицировать именно как убийство.

Во-вторых, несмотря на доводы ряда ученых о том, что если лицо действует против себя помимо своей воли, данное деяние нельзя назвать убийством, поскольку в диспозиции ст. 105 УК РФ прямо указано на то, под убийством понимается умышленное причинение смерти другому человеку[2], мы целиком разделяем позицию Ю. А. Уколовой, согласно которой «…в ст. 105 УК РФ не закреплен способ совершения преступления, не указано, чьими руками должно оно совершиться, не имеет значения, в какой временной период наступила смерть и какое количество сил затратил на это виновный. Достаточно участия виновного в выполнении действий, составляющих объективную сторону преступления, которые, в свою очередь, стали причинной наступления смерти. <…> Следовательно, если лицо при совершении действий, составляющих объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, хотя бы отчасти желает наступления смерти потерпевшего в результате самоубийства или сознательно допускает наступления такого результата, содеянное будет являться убийством»[3].

На основании изложенного еще раз отметим, что, по нашему мнению, состав ст. 110 УК РФ подлежит исключению из Уголовного закона, во многом потому, что является своеобразной «лазейкой» в законодательстве, позволяющей избегать более строгого наказания (например по ст. 105 УК РФ) лицам, совершающим противоправные деяния в отношении личности (особенно это характерно для армейских коллективов). Совершение лицом самоубийства является волеизъявлением данного человека, а все лица, непосредственно способствовавшие акту суицида, должны нести ответственность за преступные деяния, повлиявшие на действия потерпевшего (т. е. за побои, истязание и т. д.), либо же за подавление воли потерпевшего (т. е. за убийство).

Рассматриваемый нами вопрос является дискуссионным и предложенное решение не представляется окончательным. Реформирование уголовного законодательства должно быть продолжено в целях снижения вероятности уклонения виновных лиц от уголовной ответственности.

---

[1] Уколова Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства // Российский следователь. – 2007. – № 12.
[2] Красиков А. Н. Преступления против права человека на жизнь. – Саратов, 1999. – С. 161.
[3] Уколова Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства.

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ

За прошедшее с момента выхода предыдущего номера журнала «Мы и право» время Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России осуществлено следующее.

17 ноября 2011 года в Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области состоялось совещание по проблемам противодействия коррупции. В совещании принял участие заместитель председателя Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России Елкин О. В., выступив с докладом на тему «Роль и значение общественности в противодействии коррупционным проявлениям: основные направления взаимодействия территориальных органов Минюста России с общественными организациями и объединениями по вопросам противодействия коррупции».

18 ноября 2011 года члены Совета молодых юристов Волгоградского регионального отделения Ассоциации провели открытый урок по правовому просвещению для школьников 4 классов МОУ лицей № 8 «Олимпия» Дзержинского района Волгограда.

Юристы рассказали школьникам об истории защиты прав детей, о правовом статусе несовершеннолетних, их правах и обязанностях, сопровождая свой рассказ презентацией красочных информационных слайдов, а также ответили на вопросы ребят. В свою очередь, юристы задали школьникам вопросы о правах и обязанностях детей, чтобы проверить их знания. Такая форма общения вызвала у ребят большое оживление, школьники активно предлагали свои варианты ответов, после чего юристы озвучивали правильные.

По завершении мероприятия в подарок каждому школьнику была вручена книга А. Лопатиной и М. Скребцовой «Права подростков в рассказах, рисунках и вопросах».

23 ноября 2011 года прошло заседание Совета Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Членами Совета были рассмотрены поступившие в Отделение предложения для включения в план работы на следующий год, утверждена повестка Общего собрания Отделения, запланированного на 2 декабря 2011 года, выдвинуты кандидатуры для поощрения благодарственными письмами Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Волгоградской области в честь приближающегося профессионального праздника – Дня юриста.

Одним из вопросов повестки заседания стало определение лауреатов премии «Волгоградская Фемида».

Лауреатами премии «Волгоградская Фемида» в 2011 году стали:

– в номинации «Нотариат» – Пучкина Наталья Ивановна, нотариус г. Волгограда;

– в номинации «Общественное признание» – Чемерикин Василий Алексеевич, начальник правового управления Комитета бюджетно-финансовой политики и казначейства Администрации Волгоградской области;

– номинации «Правозащитник» – Попова Елена Владимировна, исполнительный директор Волгоградского регионального отделения Всероссийской Общественной Организации «Сообщество многодетных и приемных семей России “МНОГО ДЕТОК – ХОРОШО!”»,

– в номинации «Юридические науки» – Мальцев Василий Васильевич, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

В повестку дня заседания также вошел вопрос о приеме в Ассоциацию новых членов. Решением Совета в кандидаты в члены Ассоциации был принят Лосев Владислав Владимирович – студент 5 курса юридического факультета Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

25 ноября 2011 года на базе Волгоградского кооперативного института (филиала) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации» в рамках начала декады факультета управления и права состоялась межвузовская научно-практическая конференция «Проблемы управления и правового регулирования российского предпринимательства».

В Конференции приняли участие представители профессорско-преподавательского состава и студенты волгоградских вузов (Волгоградский кооперативный институт, Волгоградский государственный университет, Волгоградский институт экономики, социологии и права и иные), а также представители Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Участники Конференции обсудили проблемы правового регулирования российского предпринимательства на современном этапе, в частности отметили пробелы в соответствующих отраслях законодательства, подчеркнув необходимость его совершенствования в соответствии с нынешними социально-экономическими реалиями, наметили пути решения указанных проблем.

По итогам Конференции издан сборник статей.

5 января 2012 года в рамках реализации соглашения о сотрудничестве между Ассоциацией юристов России и Ассоциацией юристов Вьетнама в г. Ханой (Вьетнам) состоялась встреча председателя Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России Маликова Евгения Юрьевича с представителями Ассоциации юристов Вьетнама.

В ходе встречи стороны обсудили вопросы оказания бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации во Вьетнаме и гражданам Вьетнама в Российской Федерации, проведения общественной аккредитации юридических вузов, а также обменялись опытом по организации деятельности Ассоциаций юристов обеих стран.

В соответствии с соглашением от 24 марта 2011 года, заключенным между Администрацией Волгоградской области и Волгоградским региональным отделением Ассоциации юристов России, в текущем году представители Отделения будут обеспечивать оказание бесплатной юридической помощи по правовым вопросам, возникающим в ходе приема граждан в Приемной Президента Российской Федерации в Волгоградской области.

С графиком приема на первое полугодие 2012 года можно ознакомиться на сайте Волгоградского регионального отделения Ассоциации www.alrf34.ru в разделе «Бесплатная юридическая помощь».

24 января 2012 года состоялось заседание Совета Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России.

Членами Совета был утвержден план работы Отделения на 2012 год, принято решение о заключении договора о сотрудничестве в области проведения практик студентов с Волгоградским кооперативным институтом (филиалом) АНО ВПО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», в Ассоциацию приняты новые члены. Помимо этого в связи с организационными изменениями в руководстве региона исполняющим обязанности Председателя Попечительского совета Отделения был назначен заместитель Председателя Попечительского совета Дергин И. В.

26–27 января 2012 года в Москве прошло расширенное заседание Координационного совета молодых юристов, посвященное обсуждению проблем избирательного права в России.

В заседании приняли участие представители молодежного движения АЮР из 65 субъектов РФ, студенты и аспиранты ведущих юридических вузов страны.

Программа мероприятия включала введение в проект и двухдневный учебный курс по применению избирательного законодательства, в рамках которого перед юридической молодежью выступили политические и общественные деятели. В ходе семинаров молодые люди получили необходимые знания, для того чтобы не только квалифицированно проводить наблюдение за ходом выборов, но и организовать обучение наблюдателей в своих городах.

По итогам заседания было принято решение о создании Корпуса наблюдателей «За чистые выборы», а также объявлено о запуске нового сайта зачистыевыборы.рф. К мартовским президентским выборам Корпус должен включать не менее 95 тысяч наблюдателей, чтобы охватить все избирательные участки страны. Вступить в Корпус может любой юрист от 18 до 35 лет, подав заявку через сайт или сообщества в социальных сетях.

От Волгоградского регионального отделения в заседании Координационного совета приняли участие Председатель Совета молодых юристов Отделения Б. А. Чесноков и студент 5 курса юридического факультета Волгоградского филиала РАНХиГС при Президенте РФ В. В. Лосев.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

На вопросы отвечает юрисконсульт Волгоградского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» Р. Б. Уланов.

– Я обратилась в Центр социальной защиты населения с заявлением о присвоении мне звания «Ветеран труда». При подаче данного заявления мной были представлены документы, подтверждающие трудовой стаж (37 лет), удостоверение знака «Победитель социалистического соревнования 1973 года», удостоверение знака «Победитель социалистического соревнования 1975 года».

Однако решением Центра соцзащиты мне было отказано в удовлетворении заявления со ссылкой на то, что правовым актом, устанавливающим порядок и условия присвоения звания «Ветеран труда» на территории Волгоградской области, является постановление Главы администрации Волгоградской области от 5 июля 2005 года № 649, в соответствии с которым одним из условий присвоения звания является награждение орденом или медалью, либо присвоение почетного звания СССР или Российской Федерации, либо награждение ведомственным знаком отличия в труде.

Центр соцзащиты пришел к выводу, что представленные мною награды не дают мне права на присвоение звания «Ветеран труда», так как не являются ведомственными знаками отличия в труде, поскольку решение о награждении принято приказом всесоюзного объединения «Союзводпроект» и приказом Волгоградского областного комитета профсоюза.

Правомерен ли отказ Центра соцзащиты?

– Согласно Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); в Российской Федерации как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка инвалидов и пожилых граждан, охраняется труд и здоровье людей, устанавливаются гарантии социальной защиты, гарантируется социальное обеспечение в случаях, установленных законом (ст. 7, 39); в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55); защита прав и свобод человека и социальная защита, включая социальное обес-

печение, являются предметами совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пп. «б», «ж» ч. 1 ст. 72).

По смыслу приведенных конституционных положений в их взаимосвязи, социальная функция государства возлагается Конституцией Российской Федерации как на Российскую Федерацию в целом, так и на каждый из субъектов Российской Федерации. Соответственно, органы государственной власти обоих территориальных уровней призваны совместно обеспечивать эффективные механизмы социальной защищенности, в том числе в отношении лиц, обладающих трудовыми заслугами перед обществом и государством.

Реализуя указанные конституционные положения, Федеральный закон от 12 января 1995 года № 5–ФЗ «О ветеранах» устанавливает правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации, в том числе ветеранов труда, в целях создания условий, обеспечивающих им достойную жизнь, в частности предоставления соответствующих льгот.

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 7 указанного Федерального закона, ветеранами труда являются лица, награжденные орденами или медалями, либо удостоенные почетных званий СССР или Российской Федерации, либо награжденные ведомственными знаками отличия в труде и имеющие трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по старости или за выслугу лет; лица, начавшие трудовую деятельность в несовершеннолетнем возрасте в период Великой Отечественной войны и имеющие трудовой стаж не менее 40 лет для мужчин и 35 лет для женщин.

В силу п. 4 ст. 7 Федерального закона «О ветеранах», порядок и условия присвоения звания «Ветеран труда» определяются законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Постановлением Главы администрации Волгоградской области от 5 июля 2005 года № 649 утверждено Положение о Порядке присвоения звания «Ветеран труда» на территории Волгоградской области.

В соответствии с подп. «а» п. 1 данного Положения звание «Ветеран труда» присваивается гражданам Российской Федерации, проживающим на территории Волгоградской области, независимо от прекращения ими трудовой деятельности, награжденным орденами или медалями либо удостоенным почетных званий СССР или Российской Федерации, либо награжденным ведомственными знаками отличия в труде и имеющим трудовой стаж, необходимый для назначения пенсии по старости или за выслугу лет.

Разделом 3 вышеназванного Положения о порядке присвоения звания «Ветеран труда» на территории Волгоградской области предусмотрен порядок присвоения звания «Ветеран труда», согласно которому Территориальные управления УСЗН готовят ходатайства о присвоении гражданам звания «Ветеран труда», которые за подписью начальника территориального управления УСЗН ежемесячно до 15-го числа направляются в Управление социальной защиты населения администрации Волгоградской области. Управление социальной защиты населения администрации Волгоградской области на основании поступивших из территориальных управлений УСЗН ходатайств о присвоении гражданам звания «Ветеран труда» ежемесячно до 25-го числа готовит проект постановления Главы администрации Волгоградской области о присвоении гражданам звания «Ветеран труда». Гражданам, которым постановлением Главы администрации Волгоградской области присвоено звание «Ветеран труда», вручается удостоверение «Ветеран труда» территориальными управлениями УСЗН.

Согласно представленным автором вопроса сведениям ее трудовой стаж составляет 37 лет, на основании приказа всесоюзного объединения «Союзводпроект» она была награждена знаком «Победитель социалистического соревнования 1973 года», а на основании со-

вместного постановления Волгоградского областного комитета профсоюза и приказа всесоюзного объединения «Союзводпроект» – знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 года».

Положение об этом знаке было утверждено постановлением Президиума ВЦСПС от 7 марта 1975 года, то есть одним из высших органов государственного управления бывшего государства рабочих и крестьян СССР, и в Положении был определен порядок награждения таким знаком, в частности, работники предприятий и организаций районного, областного, краевого подчинения, совхозов и совхозов награждались знаком по совместному решению обл(край)исполкома и областного, краевого совета профсоюзов.

Более того, проведение соцсоревнований, учреждение общесоюзного знака, а также вопросы его вручения, в том числе партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями, хозяйственными руководителями, регламентировались, в частности, совместным постановлением Центрального Комитета КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ. То есть награждение общесоюзным знаком отличия в труде, учрежденным, в том числе и Советом Министров СССР и являвшимся ведомственным, было делегировано органом государственной власти иным лицам.

Таким образом, награждение знаком «Победитель социалистического соревнования» было произведено в соответствии с требованиями указанных награждений граждан этим знаком от имени министерства (ведомства) самим предприятием и организациями. Отнесение этого знака к ведомственному знаку отличия в труде подтверждено записью в удостоверении к знаку «Победитель социалистического соревнования», где среди учредителей данного знака упомянуты Совет Министров СССР и ВЦСПС.

Следовательно, отказ Центра социальной защиты населения о присвоении автору вопроса звания «Ветеран труда» является незаконным и может быть обжалован в соответствующий районный суд.

ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ НОВГОРОДЦЕВ

(1866-1924)

Новгородцев Павел Иванович – известный юрист-философ, педагог. Он родился в 1866 году на Украине, учился в Екатеринославской гимназии. В 1884 году Новгородцев поступил на физико-математический факультет Московского университета, но очень скоро перевелся на юридический, который окончил в 1887 году. На этом факультете он затем стал преподавать историю философии права. Девять лет, с 1890 по 1899 год, Новгородцев подолгу жил за границей, изучал право в Берлине и Париже, вел исследовательскую работу, готовил к защите магистерскую и докторскую диссертации.

Степень магистра государственного права Новгородцев получил за диссертацию: «Историческая школа юристов: ее происхождение и судьба». В 1902 году защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права» в Петербургском университете.

Новгородцев был избран экстраординарным профессором юридического факультета Московского университета по кафедре энциклопедии права. Одновременно преподавал на Московских высших женских курсах, сотрудничал в журнале «Вопросы философии и психологии».

С 1904 года Павел Иванович – член совета Союза Освобождения, с 1905 года – член кадетской партии.

В 1906 году был избран членом I Государственной думы от Екатеринославской губернии, много работал в конституционно-демократической фракции. Оставив в силу избрания в Государственную думу профессуру в Московском университете, Новгородцев продолжал чтение лекций на правах приват-доцента до 1911 года, когда сложил с себя это звание в знак протеста против распоряжений министра Л. А. Кассо.

Основатель Московской философской школы права, Новгородцев активно участвовал в политической деятельности. Он был членом партии кадетов, занимался обоснованием ее политической и юридической программы, хотя и не был согласен с политическими действиями ряда видных кадетских и вообще либеральных лидеров.

Новгородцев стал одним из депутатов Государственной Думы, подписавших в июле 1906 года «Выборгское воззвание», – обращение к народу группы депутатов Государственной Думы I созыва после её роспуска указом Императора Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) – не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д. Против подписавших «Воззвание» бывших членов Государственной думы было начато уголовное преследование: 167 бывших депутатов были преданы суду Особого присутствия Санкт-Петербургской судебной палаты. Новгородцев также был осужден и отбыл тюремное заключение.

Основная педагогическая деятельность Новгородцева протекала в Московском коммерческом институте, где он преподавал вплоть до Октябрьской революции. Избранный в 1906 году ректором этого института, Павел Иванович организовал его на широких общеобразовательных началах и сделал одной из популярных высших школ России.

П. И. Новгородцев был незаурядной личностью. Во время преподавания он много занимался со студентами, щедро отдавал свое время философским спорам. Вокруг его работ всегда возникала полемика, которую сам он умел превратить в продуктивную дискуссию. Он обладал исключительным чутьем к актуальным темам, интуитивно улавливая, где завязывались главные узлы проблем социальной философии.

Всего более Новгородцев занимался проблемой естественного права, как морально-критической инстанции над положительными законодательствами. Обоснованием возродившейся естественно-правовой доктрины служат для Новгородцева новейшие выводы из нравственной философии Канта. Главный интерес при исследовании этой идеи, по Новгородцеву, должен быть перенесен с проблемы об условиях правообразования, поглощавшей почти все внимание Савиньи, Пухты и их преемников, на вопрос о самостоятельном значении нравственной оценки явлений. Кант дает незаменимую опору этому стремлению современного идеализма, утверждающего самостоятельное значение нравственного начала и рассматривающего его независимо от исторических и социологических предпосылок. Разграничение теоретического и практического разума, проведенное Кантом, позволяет установить строгий параллелизм нравственных и теоретических суждений. Сознание причинной необходимости известных действий и событий не устраняет нравственного суда над ними. Благодаря этому разграничению, Кант выяснил нормативный характер естественного права и поставил его идею вне зависимости от тех или других взглядов на происхождение права. В критической философии нет ни огульного отрицания положительных норм, ни мысли о возможности мгновенной их замены идеальными законами. Главными недостатками Кантовской философии права Новгородцев считал неясность связи нравственного закона с миром действительности и априоризм, затрудняющий понимание общественной стороны морали. Для построения цельной этической системы необходимо сосуществование нормативной точки зрения Канта с социально-философской, выдвинутой Гегелем.

В 1903 году Московским психологическим обществом издан был под редакцией Новгородцева сборник статей «Проблемы идеализма», посвященный защите прогрессивных морально-политических начал на почве критической философии. В противовес обычным догматическим предпосылкам позитивизма, участники сборника выдвинули вопрос о необходимости тщательной проверки научных средств и категорий и строжайшей осторожности в пользовании выводами «социологии». Центральное значение в сборнике принадлежит статье Новгородцева «Нравственный идеализм в философии права».

Отличительной чертой научных работ Новгородцева является независимость точки зрения, остроумный полемический анализ и блестящая литературная форма. Из многочисленных статей Новгородцева особенного внимания заслуживают: «Право и нравственность»,

«Политическая доктрина пессимизма», «Идея права в философии Вл. Соловьева», «Мораль и познание», «К вопросу о современных философских исканиях».

Из лекций Новгородцева по истории философии права появились отдельно в печати «Сократ и Платон», «Учения XVI–XVIII вв.», «Немецкие учения XIX в.» и «Политические идеалы древнего и нового мира».

В 1909 году вышел в свет большой труд Новгородцева «Кризис современного правосознания». Исходя из убеждения, что современные сомнения в моральной и общественно-воспитательной ценности права имеют глубокие корни в новейшей эволюции правовых идей, Новгородцев подверг критическому пересмотру все основные политико-юридические понятия наших дней. Если господствующие школы юриспруденции продолжают еще повторять старые начала, то современное нравственное сознание в своих требованиях к праву значительно ушло вперед; государство для выросшей собирательной совести – не последний идеал этической жизни, а средство, входящее как частный элемент в общий состав нравственных сил. Вся политическая эволюция XIX в., в глазах Новгородцева, совершалась в двояком направлении: с одной стороны, постепенно падала вера в возможность совершенной и безошибочно действующей государственной организации, с другой стороны, сфера функций государства бесконечно расширялась – «…от государства требуют несравненно более, в него верят гораздо менее».

Октябрьская революция больно ударила по российской науке. При этом социальная философия и философия права оказались под особым подозрением властей. П. И. Новгородцеву, которого преследовали прежде всего по политическим причинам (за принадлежность к партии кадетов и сочувствие белому движению), пришлось скитаться, скрываясь от ареста.

В 1918 году Новгородцев проводил кадетские конференции в Екатеринодаре и Харькове. По болезни выехал за границу, но в 1920 году вернулся в Крым, занятый войсками П. И. Врангеля.

В эмиграции Новгородцев также занимался политической деятельностью. Он глубоко и основательно познакомился с доктриной марксизма, марксистской политической практикой и подверг их сокрушительной и страстной критике. Главная работа Новгородцева – книга «Об общественном идеале», в которой он как раз и свел счеты с марксизмом как политическим и социальным течением. Он высказал свои предостережения той части русской интеллигенции, которая была увлечена марксизмом. Ученый адресовал сходные предостережения и русскому народу, в котором, как он прозорливо предвидел, найдут отклик марксистские идеи, подвигнув его на совершение революций. Новгородцев предсказал, сколь плачевно закончится «союз русской души, русского характера» с марксистской философией.

В конце концов Новгородцев принял решение переселиться в Прагу, где в 1920 году при Пражском университете основал Русский юридический институт (факультет), став его первым деканом. В эмиграции в 1921–1922 годах также читал лекции в Ахенской технической школе. Умер Павел Иванович Новгородцев в 1924 году.

Статья подготовлена руководителем аппарата Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России А. А. Ландиной на основе материалов, расположенных в сети Интернет по адресам: http://www.rulex.ru/01140288.htm; http://ru.wikipedia.org/wiki/Выборгское воззвание; http://ru.wikipedia.org/wiki/Новгородцев,_Павел_Иванович; http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000007/st094.shtml

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ

Как уже отмечалось в предыдущих номерах нашего журнала, он издается не только для юристов, ученых-правоведов и других специалистов в области юриспруденции, но и для широкого круга читателей с целью повышения правовой культуры населения и преодоления правового нигилизма.

Самые маленькие наши читатели уже знакомы со Светиком и Лучиком из книги Александры Лопатиной и Марии Скребцовой «Права детей в сказках, рисунках и вопросах».

В данном разделе мы начинаем публикацию очередной книги авторов – «Права подростков в рассказах, рисунках и вопросах».

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые читатели!

Ассоциация юристов России и Нотариальная палата Волгоградской области предлагают вашему вниманию новую книгу о правах детей.

Первая книга из серии книг, посвященных правовому воспитанию детей, называлась «Права детей в сказках, рисунках и вопросах». Она была рассчитана на детей от пяти до девяти лет. Представленная Вашему вниманию новая книга «Права подростков в рассказах, рисунках и вопросах» предназначена для детей от девяти до тринадцати лет.

Уникальность данной серии книг в том, что они рассказывают детям об их правах в форме увлекательных художественных рассказов. С одной стороны, интересные и захватывающие истории с красочными иллюстрациями дети могут читать сами. С другой стороны, к каждой истории предлагается ряд вопросов и творческих заданий, которые позволяют прорабатывать все правовые темы на занятиях с детьми в общеобразовательных учреждениях.

Знание своих прав поможет детям правильно оценивать свое поведение и поступки. Одновременно с этим в каждом сюжете в яркой художественной форме показано, что безответственное применение знаний о своих правах зачастую ведет к казусам и проблемам. Ребенок сам должен прийти к пониманию и осознанию того, что его права находятся в тесной взаимосвязи с обязанностями, а все его действия должны быть оправданны и соразмерны, соотнесены с правами, свободами и интересами других людей и, конечно, с законом.

Надеемся, что эта книга будет полезна не только детям, но и взрослым, занимающимся воспитанием детей. Воспитание детей, как граждан нашей страны – это путь к правовому государству, в котором живут люди, уважающие и соблюдающие закон.

Председатель Правления

Ассоциации юристов России И. Е. Манылов

Президент Нотариальной палаты

Волгоградской области Н. В. Гончарова

ПРАВА ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

– Сегодня, ребята, мы поговорим о профессиях, – объявила классная руководительница Нина Сергеевна. – Расскажите, кем вы хотите стать.

– Я стану модельером. Я умею красиво рисовать разные модели и шить, – заявила модница Наташа.

– Я мечтаю стать певицей. Потому что я хорошо пою, – гордо сказала Оля.

– Лучше всего быть директором шоколадной фабрики – самой большой в мире, – мечтательно сказал Борька и облизнулся.

– Ты обжора всю свою фабрику сам съешь, – заметил Петька, и все засмеялись.

– Я стану парикмахером, – мечтательно произнесла Катя Красавина. – А еще я буду помогать бедным людям и стричь их бесплатно.

– Бедных детей налысо брить! – воскликнул Петька, хлопнув себя по рыжей макушке.

– Каждая профессия в нашей стране уважаема! – заметила Нина Сергеевна.

– Ну да, парикмахеров у нас уважают так же, как артистов, а уборщиц даже больше, – заявил Петя, и ребята снова расхохотались.

– Все равно я стану парикмахером. Когда у человека красивая прическа, он сам лучше становится.

Катя говорила с такой уверенностью, что смех стих. Маленький черноглазый мальчик – Коля Авакумов по прозвищу Философ Кант – вдруг начал рассказывать:

– Катя будет работать в парикмахерской, и однажды к ней придет нищая старуха в лохмотьях и скажет:

«Разрешите отдохнуть, я очень устала».

«Хорошо, бабушка. Отдохните, а потом я сделаю вам красивую прическу», – ответит Катя.

«Тебе не противно возиться с моими седыми волосами?» – спросит старуха.

«Противных волос не бывает, хорошая прическа всегда украшает человека. Хозяин не разрешает мне делать прически бесплатно, но с вас я денег не возьму».

Катя помоет грязные волосы старухи душистым шампунем и начнет их стричь. И вдруг седые волосы станут шелковистыми, а сама старуха превратится в девушку.

«Я волшебница, – скажет она. – Я хочу исполнить твое желание – подарить тебе салон парикмахерскую. Закрой глаза и представь его».

Катя Красавина тут же закрыла глаза и мечтательно произнесла:

– Это будет большой зеркальный салон с хрустальными люстрами, красивыми картинами и разными статуэтками для создания радостного настроения.

– «Это твой салон, Катя, – скажет волшебница, – продолжал рассказывать Коля. – Теперь ты можешь делать прически бесплатно. Но как ты будешь жить, если не будешь брать деньги за работу?»

– Я буду брать деньги с богатых людей, а с бедных нет. Наоборот, я буду делиться с бедными всем, чем смогу: едой, деньгами и одеждой. А еще я помогу им душевным сочувствием и расскажу, где найти работу, – вставила Катя.

– Так Катя Красавина станет работать в новом салоне. И будет счастлива. Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец, – закончил историю мальчик.

Ребята захлопали в ладоши.

– Хорошо, Коля, спасибо за сказку. А кем ты хочешь стать? – спросила учительница.

– Я уже стал. Я философ, буду книжки писать. Кроме того, я не Коля, а Философ Кант. Я же имею право на имя?

– Да, Коля, имеешь, но имя родители дали тебе при рождении, а Философ Кант – это прозвище. Чтобы стать настоящим философом – нужно много учиться.

– Где они, мои родители? Покажите мне их.

– Там, где раки зимуют, – присвистнул кто-то.

– В том-то и дело. Я сам по себе живу и имею полное право на свое имя и фамилию.

– Да, конечно, имеешь, – примирительно сказала учительница. – Мы, ребята, будем с вами изучать два документа: Декларацию прав человека и Конвенцию о правах ребенка. И вы узнаете все свои права.

– А чем Декларация и Конвенция друг от друга отличаются? – тут же спросил Кант.

– Узнаешь, когда будешь их изучать. А теперь продолжим разговор о профессиях.

Кант язвительно заметил:

– Про обязанности мне с рождения говорят, а про права не торопятся сообщать.

– Тебя учат, кормят и лечат, заботятся, чтобы ты жил в тепле и уюте, потому что ты имеешь на все это право, – объяснила учительница.

– Самые лучшие права взрослые себе забрали. Они имеют право работать и зарплату получать. А почему мы не можем работать и получать зарплату?

Ребята загомонили одобрительно.

– Успеешь еще, Коля, поработать, отдыхай, пока не вырос, – вздохнула учительница.

– Это право взрослые тоже себе забрали. Они могут ездить куда хотят и когда хотят. Они могут покупать себе все, что хотят. Нам оставили только право слушаться взрослых. Всегда слушаться, даже если они не правы, – с горечью сказал мальчик.

– Коленька, ты еще ребенок, и взрослые заботятся о тебе, – ласково произнесла учительница.

– Я не Коленька, не ребенок и не прошу обо мне заботиться! – яростно выкрикнул Кант.

Вопросы

- *Что такое права?*
- *Что такое обязанности?*
- *Могут ли права существовать отдельно от обязанностей и наоборот?*
- *Какую роль права и обязанности играют в жизни человека?*
- *Какие права вы хотели бы иметь?*
- *Какие обязанности вы хотели бы иметь?*
- *Чем права отличаются от обязанностей?*
- *С какого возраста человек приобретает способность имеет права и нести обязанности? (По закону человек с рождения имеет права и обязанности, однако с возрастом они меняются, так как объем дееспособности ребенка увеличивается по мере взросления).*
- *С какого возраста человек имеет право сменить себе имя? (С 10 лет ребенок имеет право дать или не дать согласие на изменение своего имени и фамилии, а с 14 лет он вправе сделать это сам, обратившись в орган записи актов и гражданского состояния).*

Письменная работа

Напишите, какие права и обязанности вы считаете самыми важными для себя.

Сценка «Что важнее»

Дети делятся на группы по три человека. В сценке два человека спорят о проблеме, приведенной ниже, третий играет роль мудреца, который разрешает их спор.

- *Что важнее: права или обязанности?*
- *Чьи права важнее: детей или взрослых?*
- *У кого больше прав: у детей или взрослых?*

ПРАВО НА СЕМЬЮ

Кант смотрел в окно и не слушал, о чем говорили ребята и учительница. «Я уже взрослый. Сам за себя могу постоять. Почему этого никто не понимает?!» – грустно думал мальчик.

Перед ним сидела самая тихая девочка в классе – Аня Голубкина.

Кант легонько дернул девочку за косу и прошептал:

– Эй, Тихоня, а ты кем хочешь быть?

Аня покраснела, перекинула косу вперед и подняла руку.

– Да, Аня, расскажи нам, о какой профессии ты мечтаешь, – сказала учительница.

– Кант говорил о правах, но он забыл сказать о самом главном праве каждого ребенка и каждого человека – о праве на семью. Поэтому я хочу быть мамой, – тихо, но отчетливо произнесла девочка.

– Ну, Тихоня, ты даешь! Такой профессии пока еще нет! – воскликнул Кант.

– Коля, прошу тебя использовать имена, а не клички. Раз ты поборник прав, не забывай, что каждый человек имеет право на имя. И ты обязан уважать это право. Но ты правильно говоришь, что быть мамой не профессия, хотя почетное дело. Мы обсудим это позже, а сейчас скажи, Анечка, кем ты хочешь работать, – ласково попросила учительница.

– Я буду мамой для детей приюта. Нам тоже нужна семья, – упрямо повторила Аня.

– Хорошо, – согласилась учительница. – Кто скажет, что умеет делать мама?

– Готовить, шить, стирать, помогать делать уроки, – начали перечислять ребята.

– Мама умеет любить, – твердо сказала Анечка.

Все притихли, а учительница предложила:

– Ребята, давайте сделаем бумажные самолетики. Напишите на них, кем вы мечтаете стать. Пусть эти самолетики помогут вашей мечте исполниться.

– Это все сказки для детей, – засмеялся Петька.

– У того, кто верит, сказка сбывается. Ты, Петька, тоже мечтаешь стать знаменитым хоккеистом, хотя и строишь из себя клоуна, – вдруг согласился с учительницей Кант.

– А что? Я буду первым в мире клоуном-хоккеистом, – засмеялся Петька, но ребята не поддержали его и принялись за работу.

– А я хочу стать роботом. Это можно написать? – спросил веснушчатый Антон.

– Ты же на компьютерах помешан. Вот и становись компьютерщиком, – предложил Кант.

– Роботом лучше, у него компьютер внутри, всегда с собой, – сообщил Антон.

– Я запущу самолет в окошко и попрошу ветер отнести его туда, где исполняются мечты, – сказала Катя Красавина.

– Это может сделать только ангел, – проговорила Анечка и написала на самолетике: «Найди мне маму. Аня Голубкина. 6 Б класс».

Тут зазвучал звонок, и учительница закончила урок.

Аня открыла окно и запустила свой самолетик. Он сделал вираж и приземлился на ветку высокой березы, росшей рядом со школой.

– Наверное, он не знает, где твоя мама, – вздохнул кто-то.

– Когда вырасту, я сама стану мамой, – снова повторила Анечка.

К девочке подошел Философ Кант и начал рассказывать:

– Не, горюй, Ань. На березе, рядом с твоим самолетиком, есть гнездо голубей. Мама-голубка слышала наш разговор и сказала птенчикам:

«Запомните слова этой умной девочки. У нее нет мамы, но она станет настоящей мамой».

«Почему у этой девочки нет мамы?» – запищали птенцы.

«Так бывает иногда. Моя мама тоже потерялась, когда наше гнездо разрушили, – объяснила голубка. – Одна добрая женщина подобрала меня. Она вылечила, вырастила меня и стала моей мамой».

«Разве человек может быть мамой птицы», – удивился папа-голубь.

«Она любила меня и заботилась, и я считаю ее своей мамой, – проворковала голубка. – Когда птенчики научатся летать, мы обязательно навестим ее».

«Жаль, что мы не можем взять с собой девочку», – пропищал один птенец.

Тут папа-голубь улетел за добычей, а птенцы уснули. Голубка подхватила клювом бумажный самолетик и выпорхнула из гнезда.

Когда голубка вернулась в гнездо, голубь упрекнул жену:

«Разве можно так надолго оставлять детей?»

Голубка ничего не ответила. Широко раскрыв крылья, она укрыла птенчиков.

– Куда она унесла мой самолетик? – прошептала Аня.

– Куда надо, туда и унесла. Потом расскажу, сейчас некогда. Уже звонок на урок, а у меня дело срочное, – сказал мальчик и выскользнул из класса.

На уроке математики Кант не явился. Увидев, что его нет, учитель вздохнул с облегчением: Кант постоянно мешал ему вопросами не к месту.

Аня Голубкина еле дождалась следующей перемены. Когда она подбежала к окну, ее самолетика на березе не было.

Вопросы

- *Что такое, по вашему мнению, быть мамой?*
- *У каждого ли ребенка есть право на семью?*
- *Какие дети ограничены в этом праве?*
- *Дети в детских домах и приютах лишены ежедневного попечительства родителей. Какие из приведенных ниже пунктов обеспечивают право таких детей на семью, а какие, наоборот, лишают их этого права? Выберите из списка ниже:*
  - *поддержка контактов детей с семейным окружением;*
  - *содействие в устройстве ребенка в семью;*
  - *поддержка контакта детей с родственниками;*
  - *поиск семьи для ребенка;*
  - *подготовка детей к самостоятельному созданию семьи;*
  - *обсуждение при ребенке недостатков его родных;*
  - *запрет на общение с родственниками из-за того, что они могут дурно влиять на ребенка;*
  - *устройство ребенка в семью за вознаграждение.*
- *Какие документы рассказывают о правах ребенка на семью? (Декларация о правах ребенка; Конвенция по правам ребенка; Семейный кодекс и др.).*

Письменная работа

Придумайте сказочную историю, как бумажный самолетик стал помогать находить всем детям семью.

Сценка «Дети и семья»

Дети делятся на группы по два человека. В сценке-диалоге каждая группа должна придумать и обсудить правила, которые помогут всем детям быстрее найти семью.

ЮРИСТЫ ШУТЯТ

– Ты выиграл дело? – спросили молодого адвоката.
– Почти.
– Как это?
– Гонорар я уже получил, но дело в суде еще не рассматривали.

– Потерпевший, узнаете ли вы в подсудимом человека, который украл у вас автомобиль?
– Ваша честь, после речи его адвоката я не уверен, был ли у меня вообще автомобиль…

Что такое профессиональная смерть юриста?
Это когда юрист участвует в судебном заседании о признании его умершим… и проигрывает.

К адвокату приходит клиент и долго, нудно рассказывает о своем деле. Потерявший терпение юрист прерывает его:
– Расскажите коротко и ясно, о чем идет речь. А уж дело я запутаю сам.

Юрист приказывает секретарше:
– Это письмо очень важное, поэтому положите его рядом со своим лаком для ногтей, чтобы Вы сразу могли его найти, когда оно мне понадобится.

В юридический отдел фирмы приняли нового юриста. Спустя некоторое время директор фирмы спрашивает начальника отдела:
– Ну, как новенький? Он производит впечатление очень трудолюбивого работника.
– К сожалению, это его единственное достоинство.
– Трудолюбие?
– Нет, умение производить впечатление…

Сведения об авторах

Азарова Е. С. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Белоножкин А. Ю. – кандидат юридических наук, адвокат Волгоградского филиала Воронежской межтерриториальной коллегии адвокатов «Мейер, Яковлев и партнеры» (г. Волгоград), старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Бородин А. А. – соискатель кафедры гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Герасименко Н. С. – юрист, преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга Московской финансово-юридической академии, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Долгова Н. А. – старший преподаватель кафедры предпринимательского права НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса».

Коробов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Волжского гуманитарного института (филиала) ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Лосев В. В. – студент 5 курса юридического факультета Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Маликов Е. Ю. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Марков А. М. – помощник председателя суда Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области, советник юстиции 3 класса, магистрант второго года обучения магистратуры Волжского гуманитарного института (филиала) ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Минеев О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Волжского гуманитарного института (филиала) ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Ныркова Н. И. – студентка 4 курса юридического факультета Волжского гуманитарного института (филиала) ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный университет».

Репкин М. Л. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

Шерер И. Н. – кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и философии НОУ ВПО «Волгоградский институт экономики, социологии и права».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВА.....2

Азарова Е. С.
О проблемах применения института заочного судебного разбирательства.....2
Белоножкин А. Ю.
Понятие и виды субъектов гражданского права 5
Бородин А. А.
Соотношение гражданской правосубъектности и компетенции городского округа 8
Герасименко Н. С.
Право человека на жизнь: история его возникновения 10
Долгова Н. А.
Реализация права потребителя жилищно-коммунальных услуг на информацию об управлении многоквартирным домом в свете реформируемого жилищного законодательства.....13
Коробов О. А.
О неконституционности положений пункта 6 статьи 242.2 Бюджетного кодекса Российской Федерации и пункта 1 статьи 395 Гражданского кодекса Российской Федерации 18
Маликов Е. Ю.
Защита права и право на защиту: к вопросу о соотношении понятий.....24
Минеев О. А.
К вопросу об условиях легитимности заключаемого административного договора 27
Репкин М. Л.
О применении мер понуждения на стадии возбуждения уголовного дела в отношении уполномоченных на то лиц.....32
Шерер И. Н.
Правовое регулирование молодежной политики молодежного рынка труда в России.....38

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ ЮРИСТОВ.....42

Лосев В. В.
Правовое регулирование частно-государственного партнерства в субъектах Российской Федерации: анализ Закона Волгоградской области «Об участии Волгоградской области в государственно-частном партнерстве».....42
Марков А. М., Ныркова Н. И.
Самоубийство в уголовном праве РФ: проблемы и противоречия 47

ЖИЗНЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ 51

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.....54

ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ РОССИИ.....57

ЮРИСТЫ – ДЕТЯМ 60

ЮРИСТЫ ШУТЯТ.....67

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....68

Директор издательства *М. О. Каррыев*
Редактор *Е. Л. Берестова*
Технический редактор *Н. И. Борзилова*

Подписано в печать 27.02.2012.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 7,9. Тираж 1000 экз. Заказ 176.

Издательство Волгоградского института экономики, социологии и права.
400011 г. Волгоград, пр-т Университетский, 64.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Феникс».
400011 г. Волгоград, пр-т Университетский, 64.